

Царь Александр Грозный

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест
Царь Александр Грозный

«Автор»

2023

Шелест М. В.

Царь Александр Грозный / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Третья книга серии Бастард Ивана Грозного. В Приазовье и устье Дона построены крепости и отбиты первые попытки турецкого флота их разрушить. Главный герой концентрирует своё внимание на южных рубежах Родины, а на северных территориях грядёт гражданская война. Внешние враги тоже не дремлют. Ватикан и Англия готовят интервенцию в Архангельске.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	20
Глава 5.	25
Глава 6.	31
Глава 7.	36
Глава 8.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Шелест

Царь Александр Грозный

Глава 1.

Адашев читал и перечитывал царский указ о присоединении к Русскому царству Приазовья. С помощью новейших орудий усилиями десятитысячной армии была взята Азовская крепость и десятью шхунами потоплен трёхсотпушечный османский флот. Вернее, не потоплен, а захвачен. В сильно повреждённом состоянии от ударов шрапнели, но вполне себе восстановимом.

Однако Александр в сопроводительном письме сообщал, что ремонтировать османские корабли не намерен.

– Интересно, – сам себе сказал Адашев. – Не хочет переучивать экипажи на другие паруса? Но ведь это тридцать шесть фрегатов и двенадцать галер! Что он с ними будет делать? Да-а-а... Наш государь кудесник. Кудесник-куролесник... Хорошо ему там с его казаками и черкесами. Они за него горло любому перегрызут, а тут сидишь, как на пороховой бочке...

Адашев побарабанил пальцами по столу и обвёл взглядом кабинет.

Всё изменилось с приходом на трон этого царя. Теперь у него, у Адашева, имелись все «бразды правления», как говорил Александр Васильевич. Трёхэтажное здание дворца правительства было переполнено дьяками и подьячими. Их теперь называли министрами и помощниками министров. Министр сельского хозяйства Михайлов Пётр Иванович... Или министр внутренних дел Орлов Савелий Игнатьевич... Звучит совсем по-другому, не как ранее. Солидно, но непривычно. Но некоторые «министры» по старинке добавляют к подписи привычное «дьяк».

Министр вооружённых сил Воротынский Михаил Иванович категорически отказывался от приставки «дьяк» и настаивал на именовании его «боярин». И Адашеву было понятно почему.

Удельные княжества царь ликвидировал. Писаться под грамотами «удельный князь» Воротынский не мог. Запрещалось. Хорошо хоть звание «боярин» государь оставил. А хотел ведь...

Адашев усмехнулся. Воротынские вели свой род от Рюрика и считались знатнейшей фамилией. Поэтому царь и поставил Михаила Ивановича во главу всех войск, подчинив ему не только царские тысячи, но и бывшие удельные, а ныне земские войска. Двое других братьев Воротынских были у старшего брата воеводами.

Однако сейчас царские тысячи были далеко на юге, и рассчитывать Воротынский мог лишь на очень ограниченный контингент войск, собранных верными государству фамилиями и на земских воинов, явившихся на государственную службу по призыву.

Он вздохнул. В течение года призвали чуть больше трёх тысяч человек. Будущих ратников разместили в выстроенных Ракшаем, городках, называемых военными гостинными дворами, и, разбив на отряды, принялись «муштровать».

До самого отъезда в «муштровке» активно принимал участие сам государь, прикидывающийся своим братом. Адашев, неоднократно присутствовавший на, так называемых, «тренировках», удивлялся, как легко «Ракшаю» удавалось научить ратников выполнять сложные, по мнению Адашева, задания и «упражнения».

Вместе с законодательными и иными нововведениями в разговорную речь и переписку царь ввёл новые слова, и даже целые словарные обороты. И собственноручно написал «словарь новых терминов», который размножили и разослали по уездам.

Причём, новые слова не навязывались. Просто разъяснялся их смысл. Так царь ввёл новое слово «солдат», но оно не прижилось и в обиходе осталось родное «ратник». Причём государь и сам стал чаще употреблять старое слово. Он, обращаясь к новобранцам, так раскатило прорывкивал «Р-р-атники!», что любого пробирало до мозга костей и бросало в дрожь.

Или опять же, слово новобранцы. Ведь это царь его придумал. Было «бранцы», стало «новобранцы».

– И откуда у него в голове появляются новые придумки? – удивился вслух Адашев. – Этот кабинет... Никогда у дьяков не было личных помещений.

Он никак не мог привыкнуть, что его кабинет выглядел едва ли не лучше царских покоев. Эта шикарная резная мебель, изготовленная на заводе в Мокшанске, вызвала зависть у многих родовитых. Стол стулья и его кресло, похожее на царский трон... По распоряжению царя ему не показывали кабинет до окончания отделки и установки мебели. Адашев, когда наконец-то вошёл, долго гладил резные шкафы и подлокотники, не решаясь сесть в кресло. А когда сел, то не удержался и сказал:

– Как на твоём троне, – и добавил. – Наверное.

– Не сидел ни разу? – спросил Александр.

– Как можно, государь?

– На моём чуть-чуть удобней, – подтвердил царь. – Но по образу и подобию сделаны.

– Смотри, захочется сравнить, – пошутил Адашев.

– Хочешь подсидеть? – ухмыльнулся Александр.

Адашев побелел лицом.

– Да, ладно тебе, Фёдорыч. Не дрейфь, – смеясь, успокоил царь. – Хочешь, поменяемся?

– Креслами?

– Должностями.

Адашев замахал руками.

– Нет-нет, Александр Васильевич. У каждого свой шесток.

– Как в курятнике, – ухмыльнулся Александр. – Кто ниже, на того всё дерьмо падает. А у нас внизу крестьянин, от которого зависит, что мы с тобой будем жрать, Алексей Фёдорович.

Это царь продолжил тогда их спор о роли крестьянства в структуре государства и в производстве полезного продукта.

– Побегут они от нас, если мы на них только гадить будем, – добавил царь. – Они и сейчас бегут. Вон Строгонов пишет, что Пермь Великая обильна русским и иным народом, говорящим по-русски. Города стоят по рекам людные. А откуда людишки-то? От сюда, вестимо. И Сибирь полна беглыми.

– Про то ещё наши деды говорили. – хмыкнул Адашев. – Да не хотят они под нашу руку идти.

– Хотят, не хотят... – скривился Александр. – Веру старую ломать не надо... Три шкуры драть не надо и в три глотки жрать.

Адашев почесал в затылке. И ведь прав государь. Подсчитал государь траты на пьянки и гулянки и показал Адашеву. Ужаснулся тогда премьер министр. А государь показал на цифрах сколько можно было на те деньги крепостей построить.

Адашев усмехнулся в бороду.

Бояре и дворяне не сразу, но постепенно привыкать к воздержанию стали. Пиры не закатывают, посты блюдают. Патриарх Максим Грек зело придиричив стал к соблюдению обряда. И не чтит толстомясых. Говорят, по указанию Александра. Сам сначала раздобрел, патриарх, но вовремя внял порицаниям государя.

Вроде, как в патриархии даже весы установили и линейку ростомерную. И табличку рядом прикрепили с нормами веса на рост человека. Всё государь – выдумщик. Как только кто больше положенного весит, так его сразу в келью на капусту и бобы. Сразу, как только с

весов сошёл, так и в келью. Уже год, как сия «процедура», как говорит государь, действует, и результат на лицах и телесах священников очевиден.

Вот и дворяне стали постов придерживаться.

Адашев ждал министра внутренних дел Орлова. С докладом о внутренней обстановке. А обстановка Адашеву не нравилась. Он только что выслушал министра обороны Колычева, который курировал тайный приказ, – ту службу, которую организовал сам Адашев, и после этого разговора Адашев был мрачен.

Орлов зашёл с кожаной папкой в руках, молча прошёл к «гостевому» столу и, сев на приставленный к нему стул, хлопнул папкой по столу.

Адашев тоже подошёл и сел напротив.

– Ты знал, – погрозил пальцем Орлов. – Тебе твои сыскари доложили.

– Что доложили? – «удивился» Адашев.

– Что Новгород бунтует.

Тут Адашев удивился по-настоящему. По Новгороду у него информации не было. Орлов увидев реакцию Адашева усмехнулся. Наконец-то ему удалось «уесть» бывшего своего начальника. Они вместе создавали тайный приказ по уставу, писанному самим государем. По подобию учредили такие же службы в министерствах иностранных и внутренних дел. На иностранный отдел работали купеческие гости, а на охранку местные купцы, коих обязали писать доклады о том, что видели и что слышали.

Поначалу купцы ерепенились и «писать оперу», как говорил государь, отказывались, но после введения лицензий на торговлю и ограничений в правах некоторых из них, смирились. При крепости царского гостиного двора были устроены министерские приёмные, куда купцы сдавали «сказки». Сказки нумеровались, описывались и отправлялись в архив, а важная информация переносилась сыскарями в накопительные дела и дела оперативных разработок. Сыскари обитали там же, в гостинном дворе. И оперативные совещания начальниками служб проводились там же.

Дела и «сказки» выносить из царского гостиного двора запрещалось. Даже Орлову и Адашеву. Приходи, читай, выписывай нужное и только. Адашев и Орлов удивились, как совсем по-другому понимается и оценивается изложенная на бумаге информация, и как написанное отличается от сказанного. И как интересно читать такое дело, анализировать и прогнозировать события.

Помимо «оперативной» работы сыскарей в Москве был налажен учёт и расследование совершённых преступлений, дежурство городской стражи. Разбой был основным промыслом лихих людей, что в городе, что на дорогах. Поначалу стражники сами грабили ночных прохожих, но организованная параллельно служба внутреннего контроля быстро вычистила ряды блюстителей порядка.

– Новгород бунтует? Кто сказал?

– Несколько купцов сегодня приехали в Москву. Пишут, что еле выбрались. И то, только потому, что предупредили их. Воеводу, говорят, на его воротах повесили.

– За что бунтуют?

– Против Москвы.

– Понятно. Тут ещё другая беда, Савелий Игнатьевич. Поляки Изборскую крепость взяли.

– Как так? – отшатнулся Орлов.

– Колычев доложил. Обманом проникли за ворота. Ночью. Стражникам представились, что опричники государевы. Тимоха Тетерин был с ляхами и голос подал. Вот стражники на его голос и открыли ворота.

– Что за Тетерин?

– Тот, что к ляхам сбежал. Друг Курбского. Стременной Ивана Васильевича в Казанском походе. Он, подлец, со своей стрелецкой сотней, оказывается, к полякам перешёл. Встретил ляхов на границе и ввёл в крепость.

– Как перешёл? Это тот, у которого пищали винторезные у всех стрельцов?

– Точно.

– Матерь божья! И что сейчас?

– Ограбили они крепость. Пороховое зелье изъяли и ушли. По сёлам прошли, запасы пособирали.

– Да, какие там запасы? – удивился Орлов. – Люди лесом и реками живут. Запасы не делают. Начало лета... Куда ушли ляхи?

– К Новгороду и пошли.

– Вот черти! – ругнулся Орлов.

– Хуже другое, – проговорил Адашев и замолчал.

– Ну, не томи, Алексей Фёдорович, – взмолился Орлов, не выдержав паузы.

– Есть информация, что и Тверь со Псковом готовы ляхам отдаться.

– А на трон Российский Сигизмунда Августа?

Адашев нахмурился и скривился. Его густая борода скрывала эмоции, однако было заметно, что Адашев нервничал. Государь предсказывал смуту, но Адашев не верил ему. Хотя в последнее время он грешным делом подумывал не оборотень ли государь. Вдруг упырь и у Ракшая кровь выпил?

Адашев вполне отдавал себе отчёт, что новый царь совсем не царских кровей. Вернее, не Рюриковых. Ведь это они вдвоём с Иваном Васильевичем придумали, что Ракшай, это бастард царя Василия – Александр. Иван Васильевич даже шутил: «Санька – мой бастард», чем совсем запутал бояр, не видевших наследника престола воочию. Дума поверила только слову Адашева, который сказал: «Наследник строит крепость в Усть-Луге». А можно было бы указать на кого угодно. Судьба трона была в его руках. Правильно ли он сделал, что отдал власть в руки волхва. А то, что Ракшай – волхв и к гадалке ходить не надо.

И вроде делает всё на благо Руси, но вот взял и оставил Москву фактически без войска. А о том, что смута будет сам предупреждал. Взял и ушёл на Азов. Поэтому Адашев тогда и не поверил в предсказания Ракшая. Думал, просто пугает. Ан нет... Сбываются предсказания в малом, значит сбудутся и в большом. А о «большом» даже думать страшно. Междоусобная война всех против всех сметёт, разорит Русь. За военными стычками придут пожары и недород, а за ними голод и мор.

И ведь не бросит же государь только что завоёванные земли. Он сам говорил: «Где хоть раз поднялся Русский флаг, он не должен опускаться». Значит будет стоять на Азове до конца.

Уходя царь так и сказал: «Здесь я сделал всё, что мог. Теперь надо укрепить юг».

И был совершенно прав. Гирей тоже рвался к Московскому престолу. И были на Руси желающие посадить Гирея на него. Не были, есть. Знает Адашев их поимённо, но затихли пока князья Рязанские, затаились. Ракшай тоже не дурак. Из ногаев и татар такую сеть информаторов соткал, что Рязанцы почувствовали её на своей шкуре и притихли пока.

Но шила в мешке не утаишь. Встретил посол Истома Терентьев в Бахчисарае гонца Рязанского, остановившегося на постой в доме бея, что категорически запрещалось посланникам. Ежели ты гонец государев, то и живи при после. Так безопаснее и для жизни, и для государства. Есть надежда, что не подкупят гонца и не перевербуют. Да и за послом догляд нужен. А ежели ты не государев, значит то измена, ибо подданным запрещено было сношаться с зарубежными царями.

Сеть – сетью, но где государь деньги на шептунов берёт? Мысли об этом доводили Адашева до головной боли. Не просил государь денег свыше положенных ему на содержание двора. Правда перестал он содержать свой кремлёвский двор, а Яузский дворец содержал себя

сам, производя, как говорил государь, полезный продукт: коров, коней породистых. Царские конюшни растянулись по левому берегу Москва-реки от столицы до Николиной горы и производили до пяти тысяч жеребят в год. Но ведь государь не очень охотно их продавал. Коровы, те да... Покупались селянами охотно. Как Ракшаю удалось разделить породы на молочную и мясную, Адашев не понимал. И комбикорм продавался нарасхват. Ракшай установил во дворце завод по производству изготовления гранул витаминно-травяной муки, куда свозилась вся скошенная в округе трава, из которой делали корм для домашней скотины.

Как знал Адашев, в гранулы подмешивали и рыбную муку, и тёртую глину. Быки и свиньи от такого корма добрели как на дрожжах, а коровы охотно давали отличные удои.

Адашев сплюнул. Ему, князю, лезли мысли о каких-то свиньях и коровах, когда Родина в опасности. И ведь это Ракшай приучил думать не только о ратных делах, но и о «народном», млять, хозяйстве. Целого министра сельского хозяйства завёл, которого Адашеву приходилось выслушивать и контролировать его работу.

– Ты, что плюёшься, Алексей Фёдорович? – вывел Адашева из задумчивости Орлов.

– Да, как тут не плевать? Ежели они все поднимутся, Москве туго придётся.

– Думаешь Тверь и Новгород пойдут на Москву?

– Им другого хода нет. Кроме как на Москву идти, раз ляхи с ними. У тех мечта Москву разграбить.

– Так не дадим ведь! – пожал плечами Орлов. – Стены у нас крепкие. Зелье пороховое тоже. Ядра – бомбы.

– Мало бомб, Савелий Игнатьевич, – вздохнул Адашев. – К Азову уходят.

– Так пищалей винторезных, что на тысячу шагов бьют, достаточно. И воев. Городки военные полные, мы проверяли намедне. С Воротынским инс-пек-ти-ро-ва-ли. – Выговорил он трудное слово из государева словаря. – Не пустим в Москву.

– Да-а-а... В Москву их пускать нельзя. Боюсь, ткнутся они в наши стены и пойдут по городам и весям грабить, разорять и свои порядки устанавливать.

– Земщина поднимется.

– Да какая там земщина. Не знаешь, что ли, что волостели не отдают власть. Покорятся без сечи. Боюсь, оружие ляхи соберут и уйдут. Думаю, это их главная цель. Если мы нажмём, то побегут они напрямиком назад, в Польшу. Но с нашими запасами пороха и оружия. Нельзя им давать гулять по России-матушке.

– Предлагаешь выступить?

– Предлагаю.

– На Новгород?

– Да.

– Так они может того и ждут. Мы на Новгород, а они сюда.

– А мы вернёмся.

Орлов внимательно посмотрел на Адашева.

– Как узнаем?

– Воротынский уже поставил задачу разведчикам и те сегодня выйдут в поиск под прикрытием. Ты тоже рассылай своих убогих, косых и хромых по дорогам. Мы собираем всё войско и выступаем на Новгород. Тверь отдавать никак не гоже.

Глава 2.

Андрей Курбский думал: предать или не предать? И что такое предательство? Кого он предаёт? Этого царя он не понимал. Ивана, которому он присягал, которому служил и получал от него награды и любовь, он тоже любил. По-своему, конечно. Как можно до конца любить человека, от которого зависит, будешь ты завтра жить или нет? Этот же незнамо откуда объявившийся «брат» ни в грош не ставил его... Как, впрочем, таким же неподобающим образом обращался и к другим Рюриковичам. Ну не то, что «не ставил», а относился без пиетета. А Андрей не привык к такому обращению.

Иван любил его за смелость и с малолетства выделял из своры других родичей, крутившихся возле трона. Андрей всего на четыре года был старше Ивана и это не создавало меж ними возрастной пропасти, но Андрей привык, что Иван слушался его и подражал ему.

Андрей Курбский сызмальства имел горделивую осанку и высокомерное лицо, с чуть изогнутыми в пренебрежительной ухмылке губами. Иван, запуганный дядьками и ближними к ним боярами, шпынявшими мальчонку по пустякам, несмотря на свой с детства высокий рост, старался не выпячиваться и с уважением и благодарностью поглядывал на Курбского, защищавшего Ивана от щипков и тычков. Можно сказать, что Иван любил Курбского и Андрей пользовался расположением царя так аккуратно, что умудрялся никого не задеть.

Во время болезни Ивана, когда царь приказал присягнуть сыну Дмитрию, Курбский присягнул первым. Даже Адашев с Сильвестром сначала подумали, и лишь потом склонили колени. А многие бояре отказались от присяги сыну Ивана-царя и обратились к Старицкому.

Курбский хвалил себя за правильный выбор, потому, что государь вскоре выздоровел и недовольно поглядывал на «отступников». Сложно предсказать их дальнейшую судьбу, не погибни царь и наследник, упав вместе с лошадьё в реку.

По какой-то злой случайности Курбским не везло. При смене власти они всегда придерживались оппозиции и проигрывали. Даже поддержав Соломонию, первую бездетную жену царя Василия Ивановича, с которой царь желал развестись, они ошиблись. Андрей чувствовал, что его жизнь складывается правильно.

О Смоленске он мечтал давно, но мечтам, как он понимал сбыться было не суждено, как и возвращение ему родового отчества Ярославский. А что такое Курба? Так... Маленькое село.

Но всё равно, до пришествия на трон этого, непонятно откуда появившегося, выблядка царя Василия и малородной Захарьиной судьба благоволила Андрею. Он не особо лез вперёд в сражениях, помня, что многие его предки сложили головы и не оставили родового потомства. А потому подчинение его воеводе Щенятину воспринял не только, как унижение, но и как опасность для здоровья. Щенин, не стесняясь, посылал его в сложные рейды и атаки.

И вот сейчас Андрей думал над предложением Польского короля, переданного ему ещё до похода на черемисов. Август обещал отдать ему Смоленск, ежели Курбский возьмёт его.

– «А что его брать?» – усмехнулся Андрей.

Его войска, усмирившие черемисов, хоть и устали, но были довольны. Осталось их правда не много, но пока они дойдут до Смоленска, обростут добровольцами. Ведь кто им скажет, что они пойдут завоёвывать Смоленск? Пойдут на ляхов, зайдут в город передохнуть и сил набраться, да там и останутся, вырезав гарнизон и пленив городской совет.

– Делов то, – хмыкнул Андрей и пнул пятками «заснувшего» коня. Конь дёрнулся вперёд, прошёл несколько шагов и снова «заснул».

Пора сделать привал.

– Конь засыпает. Может поночует? – спросил Андрей Петра Щенятева, своего «старшего воеводу», к которому его, «рюриковича» приставил Александр, что сильно обидело Курбского. Щенятев у него был в подчинении при осаде Казани, и вот на тебе... Какого рожна?!

– Привал! – крикнул Пётр Щенятев.

Степь, она везде степь. Где слез с коня, там и постель. «Только бурка казаку в степи постель»... Вспомнилась дурацкая песня, как-то спетая царём на казачьем сходе под Рязанью. Так надо же! Ещё и под какую-то большую многострунную балалайку.

– Тфу, – сплюнул Курбский.

– Ты чего, Андрюшка! – спросил его Щенятев.

– Да ничего, – огрызнулся Андрей.

С каких это пор он Андрюшкой стал?

– «Не-е-е... Точно сбегу, – подумал он. – Надо только от этого командира, сперва, избавиться. Стрельнуть его? Верные люди есть. Хотя...».

Щенятевы вели своё происхождение от литовских служилых князей Патрикеевых, которые перешли на службу к великим князьям московским в 1408 году. А Патрикеевы вели род от внука великого князя литовского Гедимина.

– «Может и его сманить? Тоже ведь недоволен новым царём. Ежели что, будет на кого свалить. Он ведь теперь старший воевода».

* * *

Ягелон Жигмунд¹ с недоверием смотрел на простодушное лицо князя Дмитрия Вишневецкого. Несмотря на возраст, а ему уже было за сорок пять, его лицо светилось здоровьем. В голубых глазах светился ум, подтверждавшийся высоким лбом, и неприсущая ратным людям доброта. Светло русая небольшая борода с усами не имела ни одного седого волоса. В движениях и фигуре чувствовалась сила и опыт множества боевых схваток.

Князь был предводителем Днепровских казаков. Его небольшой городок на Днепровском острове Малая Хортица был оплотом и форпостом крымских походов польско-литовских войск.

Вишневецкий только что вернулся из похода на османскую крепость Ислам-Кермен, закончившегося очередной неудачей. Несмотря на малую численность своего отряда и практически отсутствие пушек, они славно потрепали крымчаков.

– Дались тебе эти татары, – недовольно произнёс Жигмунд.

Во внешних делах он старался придерживаться миролюбивой политики с соседями, и как не уговаривали его магнаты «свернуть шею крымскому гусю», напасть на Крым не решался.

– Не грех разрушить осиное гнездо турецкой торговли христианами. То дело богоугодное. В Кафе, говорят, до ста тысяч полонян бывает, а постоянно томятся в ямах да норах пятьдесят. Да и богатства там несметные.

– Ну, так собрались бы магнатами и напали. Зачем войну затевать?

– Не могут магнаты вместе собраться. Каждый сам по себе. Только твоя, король, рука может сплотить войска. Да и для похода на Кафу корабли нужны с пушками. Зелье пороховое. Мне одному не осилить.

– Видно, только тебе охота Крым воевать, – сказал король, криво ухмыльнувшись. – Нет у меня денег на войну с Османами.

Вишневецкий посмотрел на короля прозрачными глазами и улыбнулся. Похоже, что для себя он что-то уже решил.

– А ты знаешь, Жигмунд, что московский царь захватил берег Танаис?

– Устье Дона?

– Да. И потопил турецкий флот.

Король поднялся из кресла и прошёлся по кабинету.

– Слышал о том, – наконец произнёс он.

– Ты понимаешь, что будет, если москвиты захватят Крым?

– Они не захватят, – махнул рукой Жигмунд. – Там было всего пятьдесят галер.

– Всего?! – удивился магнат. – Триста пушек на пятидесяти галерах? Это что за галеры такие?

– Почему триста пушек?

– Лазутчик сообщил, что русские захватили трёхсотпушечный флот. Захватили, ваше величество. Не потопили.

Король лично назначил Вишневецкого стражником на Хортице и даже дал на это немного денег. Они вместе учились в Римском университете, Вишневецкого приставили к Жигмунду для безопасности, и они сдружились. Именно поэтому князь позволял себе некоторые вольности, но за рамки не выходил и потому всё ещё находился в фаворе.

– Триста пушек это много! – покачал головой Жигмунд. – Даже если они маленькие, всё равно много. Э-э-э-э... Раз захватили корабли, значит пушки у русов?

– Вероятно.

Король снова покачал головой.

– Триста пушек это много. Две крепости можно снарядить.

– Две крепости они и поставили. Но ещё до того, как победили османов.

– Не победят они османов! – упрямо возразил король.

Вишневецкий усмехнулся.

– Если мы не поможем, то победят.

– Ты не путай меня, Димитрий. Говори толком, что предлагаешь?

– Ты правильно говоришь, что москвиты не могли победить османский флот. Но они победили. И не просто победили, а победили так, что не потопили ни одного корабля. И это необычно! Это колдовство какое-то...

Вишневецкий тоже позволил себе пройтись по кабинету.

– Колдовство или большой московитский секрет.

– Про нового московского царя наши послы немислимое рассказывают. Вроде, как он сразу в нескольких местах появляться может. И про его заводы, и про оружейное зелье сверхмощное.

– Вот-вот...

– Говори уже, что придумал. Вижу же.

– А придумал я, мой король, перебраться на службу к русскому царю. Шутейно! – сказал князь, увидев реакцию короля и упредив его вспыхнувший гнев.

– Как это, «шутейно»? Ведь присягу надо будет давать.

– И что? Ложная присяга – не в счёт. «Помогу», потом вернусь. Приду к русскому царю, скажу, что хочу басурман поганых бить, а ты не даёшь. У него на Дону тоже казаки поселились. Думаю, он отдаст мне в команду. Глядишь, переманим и уведём к себе на Дон.

– И как ты ему собрался «помочь»? – саркастически усмехнувшись спросил Жигмунд.

– Он, думаю, кораблями попытается разбить морские крепости, а мне оставит Перекоп. Вот мы и сообщим Гирею, чтобы встречал гостя. А сам возьму крепость. Там тоже хороший барыш должен быть. Туда сначала приводят полонян.

– Как же ты возьмёшь Перекопский вал, если у тебя нет пушек?

– Да! Пушек у меня нет! – усмехнулся князь. – Попрошу их у русского царя. Думаю, даст. Заодно посмотрю, как стреляет его орудийное зелье. Припрячу немного... Передам с гонцом в Краков. Пусть наши зелейщики разберутся в его секрете.

– Какой в зелье может быть секрет? Его триста лет готовят.

– Готовят, да у разных ямчужников разный порох получается.

– Не нравится мне твоя затея. А вдруг не поверит тебе царь русский? Посчитает лазутчиком...

– Если ты на меня гоньбу устроишь, поверит. Пошлешь к Хортице рать. Да так, чтобы дозорные первые узрели. Так мы всей ватагой и снимемся. Будет спрашивать царь у казаков, зачем пришли, они скажут.

– А коли возьмёт Крым русский царь? То худо для нас. Не остановится он, если укрепитя на острове. Может подождать, пока хан его погонит?

– Хочу, мой король, Перекоп взять. Много там наших православных христиан.

– Когда ты уже нашу веру примешь? – недовольно скривился Жигмунд.

Вишневецкий промолчал. Он давно перестал спорить с Жигмундом по поводу веры и церкви. Тот был ярым католиком. Да и мог ли сын Миланской Боны Сфорцы быть православным? Нет. А Вишневецкий и его пращурь следовали старой христианской веры.

Князь лишь вздохнул и мысленно попросил бога простить друга за неправильно выбранный путь.

– Раз уж ты сам сказал, то позволь замолвить слово за нашу церковь?

– Молви, – вздохнул король.

– Ты отдал все митрополичьи кафедры католикам. И даже не священникам, а простым светским людям. В наших православных храмах служат торговцы. Разве это правильно? Народ уходит в Московию или к нам на Днепр.

Князь вздохнул.

– Тебе плохо разве? В твоём Кременецком уезде твой митрополит и церковники твои. Я оставил тебе твою веру.

– Спасибо на том, мой король, – с поклоном сказал Вишневецкий, но в голосе его послышалась насмешка.

Король с подозрением посмотрел на него исподлобья, сведя на переносице тонкие брови. Он был не богат волосом. На лбу уже сейчас наметилась залысина, борода выглядела редковатой.

– Недоволен? Как и народ? Так, может, ты тоже хочешь уйти в Московию под руку царя русского? По-настоящему?

Князь тоже посмотрел на короля своими синими глазами и спокойно сказал.

– Куда я от тебя, государь? Схожу на Крым и вернусь. Тут родина моя.

– Ну, ступай! – махнул рукой король. – Поглядим, что получится.

* * *

Атаман Фёдоров со своими донскими казаками гонял татар и половцев по Гуляйполю от Таганрога до запорожской излучины Дона. Множество ханских овечьих отар, множество детей с матерями было отбито и угнано на Азов. Далее не гнали. Там нужны были руки для обработки полей. Мужей татарских в полон не брали.

Санька не думал об этом, так как переступил черту, за которой он оставил жалость к людям. Не то, чтобы он смирился с иезуитским правилом: «цель оправдывает средства». Нет. Но он понимал, что эта битва начата не им, и не ему её прекращать. Татары веками совершали набеги на Русь. Русы веками воевали с татарами. Остановить процесс в одностороннем порядке и вдруг, Санька не мог.

Захваченных в бою татарских женщин и девок неженатые казаки и вои взяли себе в жёны, первоначально крестив их самих и их детей, и определили на хозяйство. Городки вокруг Ростовской и Таганрогской крепостями росли не по дням, а по часам, но даже не за счёт «туземцев». Прибывали и прибывали эстонцы, немцы, литовцы. Да и простые крестьяне, бросали своих хозяев, противных земщине, и в Юрьев день уходили на юг. Не хотели они класть свой живот за чужую спесь.

Зато царь лично обещал всем волю на новых землях, обещая брать лишь десятину с общины, о чём ходило по Руси несколько царских грамот.

Земли здесь были чернозёмные и обильные на урожай. Санька это знал ещё по той жизни, поэтому смело нарезал их на участки, раздал желающим и приказал сеять рожь, пшеницу, овёс и полюбившуюся ему за неприхотливость, чечевицу.

Чечевицу посадили ранней весной (как только оттаяла земля) и к маю она уже отцветала. В начале июля собрали верхние стручки, вызревающие последними, а в начале августа сняли весь урожай. Некоторые курганы, коих по Гуляйполю было разбросано в избытке, стояли вскрытые. Внутри холмов имелись прокопы и Александр, исследовав некоторые, пришёл к выводу, что их можно использовать как зернохранилище.

Внутри кургана, чаще всего, имелся деревянный сруб. Самый большой был размером примерно десять на десять метров. И в высоту метра три.

Освободив «помещения» от тлена, зачистив и укрепив, кое-где просевший, потолок, пробив вентиляцию, поселенцы к сентябрю засыпали в хранилища новый урожай.

* * *

– Гляди-гляди, – вскричал Михалко Черкашенин, атаманский стремянной, молодой парень лет двадцати пяти. – Войско топочет.

Сусар Фёдоров натянул повод, поднял правую руку и вгляделся в степь. Только через некоторое время он смог разглядеть всадников.

– То не татары. Идут с Дона.

– Казаки или ляхи? – спросил Михалко.

– Ляхам, то, что тут делать? Мобыть казаки? Пищали товсь! – на всякий случай крикнул атаман.

Встречное войско, увидев Донских казаков, не предприняло попытку развернуться в боевой порядок или ускориться. Одеждой встречные мало чем отличались от османов: белые косоворотки, разноцветные жилетки, шаровары, сапоги. Только на головах у многих, не смотря на ещё жаркий августовский день, виднелись овчинные шапки. То, действительно были запорожцы.

Впереди на чёрном с яблоками жеребце, сидя в красном сафьянном седле с золочёной лукой, лежавшим на чёрном с красными узорами чепраке, из под которой выглядывали конца жёлтой попоны, ехал статный господин, одетый в зелёные суконные штаны, заправленные в сафьянные сапоги, отороченные бобром, белый зипун из турецкой габы, и бархатный темно-красный казакский кобеньяк с отложным бобровым воротником и горностаевой обшивкой.

Под мордую у лошади висела целая куча ремешков, расширявшихся книзу и усеянных золотыми бляшками, а на ногах выше копыт были бубенчики, издававшие звук при всяком движении лошади.

– Дивись, яка цаца! – сказал, сначала присвистнув, Черкашенин.

При сближении с всадником Фёдоров увидел, что господин был подпоясан поясом с таким количеством золотых блях, что за ними не угадывался материал самого пояса. За поясом заложен был кинжал с круглою ручкою, украшенною одним большим изумрудом; на левом боку у господина была турецкая кривая сабля, в серебряных ножнах и с бирюзою на рукоятке; а на груди висела золотая цепь с медальоном, на котором изображалось восходящее солнце.

Сусар от увиденного богатства забыл сглотнуть слюну и закашлялся.

Глава 3.

Александр почти не смотрел на Вишневецкого, а тот, наоборот, разглядывал русского царя во все глаза.

Государь, по причине жары, был одет лишь в синие льняные, тканые решёткой, штаны и такую же, но белую «продувную» рубаху, надетую на выпуск и подпоясанную тонким кожаным золочёным ремешком. На ногах царя были короткие чёрные сапоги, носки и задники которых прикрывали золотые накладки. Единственным украшением царя были несколько перстней на пальцах рук. На большом пальце его правой руки имелось кольцо лучника, изготовленное из нефрита. Его он то и дело трогал то указательным, то средним пальцем той же руки, имитируя выстрел тетивы.

– «Как он стреляет? Он же слеп, – подумал князь.

По обеим сторонам невысокого трона стояли царские стражницы, что для Вишневецкого было удивительным, но известным. Слухи о царских воительницах докатились и до Запорожья, и до Киева, и до Кракова. Даже в Риме, слышал Вишневецкий, обсуждают московитских амазонок², кои, как говорят, сильны не только в бою, но и в любовных утехах.

– Для того, чтобы воевать Крым, надо покорить Кавказ, – произнёс, так же не глядя на князя, царь. – И покорить не войной, а дружбой. Многие черкесы готовы доброй волей принять православие. Вот этим и нужно заняться в первую голову. Поддержать тех, кто с нами, подавить бунты. Для того мы сюда пришли. Крым, конечно, мы возьмём, но не так скоро, как тебе бы хотелось. Не в этом году – точно. Потому, выбирай... Хочешь мне служить, давай присягу, но делать будешь не то, что тебе хочется, а то, что надо мне, то есть, то, что важно для государства российского. Согласятся твои казаки не грабить черкесов? За то карать буду строго.

Вишневецкий немного помолчал, подумал и сказал:

– Я, государь, православной веры, а в Польском королевстве всё больше католики да униаты чинят правила. Даже в Киев пришли ксёндзы³. Власть о назначении митрополита взяли в свои руки католические князья. Церковь православная в упадке. Русскую шляхту и князей лишают королевского корма, а от епископов и митрополитов требуют подчинения Римскому папе. Изменники Православия получают высокий статут. Чую, скоро Православию в Польше придёт конец.

Александр впервые «посмотрел» Вишневецкому в глаза. И не увидел в них лжи. Князь искренне переживал за веру.

– Много в Польше православных? – спросил он.

– Много, государь. В Киеве и воевода Острожский Константин Константинович и почти все князья православные.

– Задавят вас, – тихо сказал царь. – На теле церкви католической вы блохи. Вот и подавят вас, как блох. Или вычешут гребнем. Ни прав у вас, ни силы. Всё от того, что сами пытаетесь справиться, просите короля, чтобы не трогали вас. Кого просите? Сатану просите! И о том не думаете, что за людей вас не считают. Рим строит дорогу и выкорчёвывает все, ненужные ему, деревья.

От таких слов Вишневецкого наполнил ужас. Его сердце заколотилось, в лицо ударил жар, голова закружилась.

– Что молчишь? Разве не прав я? Сам видишь, к чему всё идёт. Пока у Польши с Литвой уния, они сдерживаются, а только едиными станут, всё на свой лад переписут. И придётся вам, чтобы сберечь богатства и привилегии, переходить в католики.

Тут русский царь неожиданно тихо рассмеялся, и от этого смеха по телу князя пробежали «мурашки».

– В Сенате много добрых христиан. И митрополит Иона не допускает издевательств над верой, – проговорил Вишневецкий.

До него доходили слухи, что москвит – волхв и предсказатель, и князю совсем не хотелось, чтобы такие предсказания сбылись.

– Что скажут ваши иерархи, когда их поведут на костёр, как еретиков? Не сдержат им папских иезуитов.

– Кто такие? – кашлянув в кулак, спросил шляхтич.

– Проповедники папские. Зело упорные и хитрые. Подкупом и угрозами всех переманят.

– Жигмунд не допустит. Он не хочет потерять свой народ.

– Польские магнаты спят и видят ваши вотчины в своих руках. Да и недолго ему осталось...

Вишневецкий отшатнулся.

– Как недолго? – воскликнул он. – Почём знаешь, государь?

– Ведаю, – просто сказал Александр.

Он и впрямь в последнее время стал видеть, столько у человека осталось жизни. Не как в компьютерной игре, конечно, а в виде насыщенности и плотности его ауры. Даже люди, находящиеся вдалеке от него, но которых он видел ранее, если он о них подумает, стали представлять перед ним в своём энергетическом облики.

Так он сначала подключил к своему контролю Петра Алтуфьева, который стал настолько полезным Александру, что Санька задумался о том, чтобы постоянно подпитывать того силой. Так между ними образовалась устойчивая энергетическая связь.

Потом таким же образом он «подключил» к своей силе Барму, Адашева и ещё несколько человек, выполнявших его поручения. Интересно в этом было то, что люди почувствовали Санькино вмешательство. А Адашев спросил прямо:

– Александр Васильевич, не ты ли мне силы даёшь?

И Санька не стал отпираться.

– Я, Алексей Фёдорович.

Адашев дурного не сказал, а лишь поклонился в пояс. Барма спокойно отнёсся к новым ощущениям. Через него Санька участвовал в создании пороховых зелий. Больше просто присутствовал, но иногда, когда Барма ложился отдыхать, брал его тело «напрокат». И Брама, конечно, всё понял, но на Саньку не обиделся.

Санька мог бы просто отключить Бармино сознание, но ему нужны были сознательные соучастники.

Вот и пришлось Александру научиться видеть и контролировать людские энергии.

Сигизмунда Августа Александр воочию не видел, но когда отправлял к нему посла Вокшерина, постоянно контролировал последнего и Жигмунда видел глазами посла. И не только видел, но и смог проникнуть ему в душу.

Кстати только за счёт того, что он видел и слышал, как Сильвестр говорит с патриархом Константинополя, ему удалось вовремя «включиться» в переговоры и убедить Дионисия назначить Максима Грека патриархом Руси.

Сильвестр оказался плохим переговорщиком и Саньке пришлось его «отключить». Слава богу, для Дионисия переключение прошло незамеченным. Он как раз произносил пространную речь о чистоте веры, а Александр, выслушав, сделал приличную паузу, похмыкивая и почёсывая бороду, якобы осмысливая сказанное патриархом, а потом произнёс свою речь о том же самом и о Польском давлении на православие.

– Вижу, – просто сказал Александр.

– Слышал я про твоё ведовство, – государь. – Но противно богу оно.

– Кто сказал? А старцы?

– Но ты ведь не старец! – воспротивился князь.
– Дожить бы, – вздохнул Александр и добавил. – Я помазанник божий.
– Но у тебя и ранее помазания это было, говорят.
– Правду говорят, – вздохнул Санька. – Но сейчас сильнее стало. По царской крови передаётся.

Вишневецкий поморщился, но промолчал.

– Не веришь? – спросил царь.

Князь пожал плечами.

Александр помолчал-помолчал, решил, что хуже не будет и спросил:

– Хочешь, скажу, что ты удумал? О чём сговорился со своим другом Жигмундом?

– Что? – осторожно спросил шляхтич, одновременно на всякий случай оглядываясь.

– Не бойся, но гляди не наделай глупостей, – сказал, легко усмехнувшись Александр. –

Тебя здесь никто не тронет, если ты дёргаться не будешь. Ты ещё присягу не давал, а потому гостем считаешься.

– Спаси бог! – перекрестил себя Вишневский.

– Так сказать?

– Скажи, коль не шутишь.

– Не шучу, – сказал царь и вздохнул. – Надумал ты обмануть меня. Про пушечное зелье вызнать, Гирею меня продать. «Если ты на меня гоньбу устроишь, поверит. Пошлешь к Хортице рать. Да так, чтобы дозорные первые узрели. Так мы всей ватагой и снимемся. Будет спрашивать царь у казаков, зачем пришли, они скажут». Так ты сказал другу своему Жигмунду?

Вишневецкий не то, что удивился. У него перехватило дыхание и едва не подломились ноги. Он тихо и медленно выдохнул, помолчал и сказал:

– Так, государь, да не так. Как ты мог слышать слова мои, не знаю. Может, доложил кто?

Но ты точно не мог заглянуть мне в душу, когда я их говорил. Я...

– И в душу заглянул, – перебил князя царь. – Далекое вижу, шляхтич.

Вишневецкий с трудом сглотнул загустевшую от страха слюну.

– И что же ты в ней увидел? – спросил он сипло.

Александр не стал наводить тень на плетень.

– Солгал ты ему, – сказал государь. – Пришёл ты ко мне правды искать и за веру просить.

Тут ноги Вишневецкого не выдержали. Он упал перед царём на колени и едва не зарыдал. Только присущая шляхте гордость удержала его от слёз восторга. Он прикрыл лицо ладонями и простоял так некоторое время, часто, тяжело и прерывисто дыша.

Некоторое время Александр молчал и смотрел в собеседника, потом сказал:

– Киевская Русь пропадёт без православной веры. Скурвится народ. Скурвятся иерархи. В унию впадут. А за ними и Русь скурвится. И на Руси тремя перстами креститься станут, как сейчас латиняне.

Шляхтич оторвал лицо от ладоней, с ужасом посмотрел на царя, и сказав: – Не допусти, господи, – перекрестился.

– Так и будет, если Киев и Литву полякам оставить, – горестно ухмыльнулся Александр.

– Ты точно знаешь?

– Точно знаю.

– Тяжко ждать грядущего знаячи?

– Тяжко.

– И сделать ничего нельзя?

– Почему нельзя? Можно, – улыбнулся Санька и на душе князя посветлело.

Вишневецкий почувствовал наполнившую его душу радость.

– Только сильно постараться надо. Всем нам.

– Что делать? – не поднимаясь с колен, спросил князь.

- Присягаешь? – серьёзно спросил царь.
  - Присягаю! – серьёзно сказал Вишневецкий.
  - Смотри, твои слова не только я слышу. Веришь?
  - Верю, государь.
  - Ну, тогда, давай обсудим, что дальше будем делать.
- * * *

Давлет Гирей, несколько не обеспокоенный сообщением о том, что русский царь построил крепости в устье Дона, решил воспользоваться этим и двинул свои войска на Москву. Став ханом, Девлет Герей усмирил и объединил все бейские роды Крыма и не опасался, что русские возьмут Крым. Ну, пройдут они крепости Перекопа. И что? Увязнут в стычках с беями. Чтобы взять Крым навсегда, надо иметь очень большую армию и ещё больше народа, чтобы заселить его. И за Бахчисарай хан не волновался. Не взять урусам, спрятанный в ущелье город.

Разведчики доложили, что запорожские казаки снялись со своего острова-крепости и ушли на Азов. Вероятно, к русскому царю.

Двадцатитысячная конная армада хана прошла перешеек в начале августа, к первому сентябрю, пройдя по Муравскому шляху, миновала небольшой городок Орёл, а дней через десять упёрлась в каменную башню с подъёмным мостом и крепостными воротами, перекрывавшими дорогу. Две каменные крепости, выдвинутые чуть вперёд и в стороны, соединялись с башней каменными стенами, охватывавшими дорогу с обеих сторон.

Остановив войска в трёх полётах стрелы и раскинув лёгкие шатры, хан выслал вперёд и в стороны разведчиков. Разведчики, вернувшись, доложили, что каменные стены доходят с одной стороны до речки Упы, а с другой переходят в завалы из деревьев. Высокие, человеческого роста, пни соединены перемычками в виде бревенчатого забора, а завалы скрываются в густом непроходимом всадниками лесу.

Хан недоволен покрутил головой. Его лазутчики не сообщали ему, что «государеву заповедь»⁴ продлили до Тулы. Ещё пять лет назад сам Давлет Гирей осаждал Тульский кремль и этой стены ещё не было. То, что город стал лить пушки, он знал, потому и пошёл сюда, а вот то, что посад защищён стеной, – нет.

Гирей успокоил свой гнев и решил проехать вдоль стены в сторону реки, но вскоре увидел, что кромка леса со старой засечной полосой приближается к стене на опасное расстояние, на котором защитники могут по нему стрелять, и вернулся в лагерь. Однако Гирей смог увидеть, что на невысоких стенах под навесами, укрытыми черепицей, стоят пушки. Много пушек. Слишком много для такой крепости.

У него тоже были пушки. Целых тридцать штук хороших турецких пушек. Гирей не верил, что русские пушки лучше турецких. Он знал о разгроме артиллерией русов турецкого флота, но считал, что это просто случайность. И он не понимал, почему его двоюродный брат султан Сулейман Великолепный не уничтожит крепости русского царя и даёт ему закрепиться?

Давлет просил брата разрешить ему напасть на русов, захватить и разрушить их крепости на Азове, но султан категорически запретил, приказав идти на Москву. Вот он и пошёл. Пять лет назад он уже ходил на Москву и тоже дошёл до Тулы. Лазутчики из числа царских бояр сообщили ему, что царь Иван Грозный с основной армией ушёл в поход на Казань. И хан не пошёл на помощь Казани, а пошёл на Тулу. Однако взять каменную крепость ему не удалось. Помощь городу из Коломны подошла очень быстро. У русов были очень хорошие дороги.

Сейчас он тоже был уверен, что русские гонцы уже спешат в Коломну или в какой иной городок, где стоит резервное войско русов, с сообщением о подходе татарских войск к Туле, и он подумал, что надо было ему идти не сюда, а сразу на новую крепость Воронеж, потому, что если подойдут русские войска, удирать ему придётся снова по шляху, окружённому лесами.

Александр Иванович Воротынский рассматривал подошедшие войска крымского хана через узкую смотровую бойницу. Войска Давлет Гирея расставляли шатры. Старая засечная полоса, спрятанная в кромке сохранный леса, не давала войску хана расположиться напротив крепостных стен. Но, в то же время, являлась естественным прикрытием лагеря от атаки русских войск.

Убранные поля были хорошим кормовым подспорьем. Татары специально подгадывали поход под дату последнего снопа, ибо будь пшеница или рожь в колосе, от таких полей лошадей надо было держать подальше.

Дождавшись, когда ханские нукеры установят шатёр хана, Воротынский удовлетворённо хмыкнул. Шатёр установили почти напротив крепостных ворот. Примерно в километре от стены.

– Трубка четыре, – скомандовал воевода. – Заряжай!

Команда, переданная по стене от орудия к орудию, стихла вдали.

Заряжающие выкрутили трубки замедлителя на сказанные четыре риски и заложили снаряды в ствол. Потом вставили пороховые заряды, вложили капсюль в затвор и замкнули казённые.

– Прицел двадцать! Цель лагерь противника!

Канониры подбили клинья, установив нужный угол подъёма жерла орудий над горизонтом и прицелились.

– Выстрел! – скомандовал Воротынский.

Орудия откатились, натянув канаты и выплюнув снаряды. Через четыре секунды шрапнель вырвалась из зарядов.

Услышав пушечные залпы, татары удивлённо посмотрели в сторону стен крепости и увидели летящие в их сторону ядра. Давлет Гирей находился в шатре. Он лежал на зелёных подушках уложенных на красно-зелёном ковре, и смотрел на ткань потолка, через которую вдруг прорвались тонкие лучи заходящего солнца. Шрапнель ударила хана в незащищённую панцирем грудь один, другой, третий раз. Из горла Давлет Гирея вырвался хрип и тонкая струйка алой крови вытекла из уголка рта.

– Трубка пять, прицел двадцать два, – скомандовал воевода. – Заряжай!

Процедура повторилась.

– Выстрел!

В разбегающихся из-под обстрела татарских воинов со стороны реки Упа, из кустов ракетника, вдруг полетели стрелы, а из-за дорожной насыпи раздались пищальные выстрелы. Татары металась по скошенным полям, не зная, где спрятаться от настигающей их небесной кары, когда из ворот один за другим появились всадники, с гиканьем и свистом бросившиеся преследовать перепуганного врага.

– Смешались в кучу кони, люди, – проговорил Санька, наблюдавший за избиением татар глазами Воротынского.

– Что ты сказал? – спросил второй воевода Тёмкин Григорий Иванович.

– Проехали, – сказал Воротынский.

Глава 4.

Отступающие конные татарские рати через день пути вдруг наткнулись на выстроенные поперёк стометрового шляха рогатины. С обеих сторон шлях сжимал непроходимый тысяче-летний лес. Татары попытались разобрать рогатины, но были обстреляны из-за деревьев и запаниковали. Они были окружены со всех сторон и были вынуждены сдаться.

Воротынский ехал на коне вдоль распластавшихся на земле воинов крымского юрта, лежащие так уже почти сутки, до конца не веря в случившееся.

– Посчитали, сколько их? – спросил князь.

– Считают, – буркнул второй воевода.

Но и так было видно, что пленных много. Очень много.

– Считанных мы в рогатины и сразу угоняем. Заиндевели многие.

– Так, заставь подняться! Души позастужают... Возись потом с ними.

– Да и бог с ними. Меньше мороки, коль помрут.

– Я те помру!

Воронцов ткнул кулаком Тёмкину под самый нос.

– Государь строго настрого указал сберечь всех, кого можно. Все души свою цену мают.

– Вот-вот... – буркнул воевода. – Сам-то понимаешь, что говоришь? Души считать на гроши?

– Всё условно. Не по головам же их считать. Не скот ведь!

– Скот хоть продавать можно, а души, как на деньги считать?

Воевода помолчал недовольно сопя, но продолжить разговор не решился.

– Что ещё сказать хочешь, Григорий Иванович?

Воевода басовито откашлялся в рукавицу и, хмуро глянув направо-налево, сказал:

– Не знаю, заметил ли ты, Александр Иванович, как умирали басурмане?

– Я не успел за тобой...

– Ну, да... Ну, да... Зато и я, и наши все заметили. Мы погнать-то их погнали... И даже били мечами, но... Они умирали раньше.

– Как это? – удивился Воротынский.

– А так! Я догоняю татарина, саблей его хрясь! Татарин падает. Второго... Падает. Третьего... А потом объезжаю после схватки, а они раненые, и живые, но словно куклы скоморошья.

– В смысле? – Воротынский нахмурился.

– Ну... Как тряпки с размалёванными рожами. Безумные! Правда, вскоре все они отошли в мир иной, но точно говорю я тебе, что души покинули их ещё раньше.

– И что? Может съели чего? – неуверенно воспротивился чертовщине Воротынский.

– Нее... Ты знаешь, сколько я за свою жизнь татар положил, но доселе такой погибели не видал.

– Бог с ними, Григорий Иванович! Басурмане же! – махнул рукой Воротынский. – Не о том думаем. Нам с живыми душами разобраться надо. Чтобы они не покинули эти тела. Бо царь-государь зело гневен будет.

Он ткнул большим пальцем правой руки за своё левое плечо, за которым, метрах в пяти ехал царский опричный монах по прозвищу Галактион.

– Пусть за душами они смотрят. Нам бы головы свои сберечь от гнева государева.

Галактион словно услышал Воротынского, ткнул пятками лошадь и приблизился к воеводам.

– Что обсуждаете? – спросил он.

– Пленных много. Что с ними государь делать будет? Ума не приложу, – сказал Воротынский.

– Как, что делать? – удивился монах. – В Касимов погоним. Там царская рать собирается. Восставших бояр урезонивать.

– Не уж-то пойдёт царь-государь на города русские ратью татарской? – спросил Тёмкин, обращаясь к Воротынскому.

Тот дёрнул плечами.

– Сейчас он породнился с ногаями и черкесами. С кем ему бояр резонить? Опричники с Адашевым Москву держат. Мы тут османов... Гирея нашли? – вспомнил Воротынский.

– Нашли, – сказал монах. – Уже в кремль унесли. Бальзамируют.

– Вот ещё! Тьфу! – сплюнул второй воевода. – Когда такое было?

– Дурак ты, Григорий Иванович, – тихо сказал Воротынский. – Гирей – брат султана Сулеймана. Да и сродственник Казанскому наместнику. Почтить надоть.

– А по мне, так, зацепить арканом ноги, да протащить по шляху до Москвы.

– Дурак ты, Григорий Иванович, – повторил Воротынский, косясь на опричного монаха. – Царь он. Нельзя так с царями. Наш государь узнает, что баешь, не сносить тебе головы

Монах ухмыльнулся в бороду и воевода, поняв, что царь обязательно узнает, что он желает царям, с расстройства жёстко стеганул лошадь и умчался вперёд.

* * *

Москва уже шесть месяцев находилась в осаде. Благодаря собранным царём запасам продовольствия и порохового зелья столица держалась уверенно. Всех «лишних» из города удалили. То есть удалили всех тех, кто отказался вставать на стены.

Стены же оказались очень надёжными своим фундаментом, заглубленным на три-четыре метра, что уберегало от подкопов. Обычно стены ставили на насыпь, сквозь которую и копали туннели, а тут сапёры утыкались в бетонное основание, взорвать которое порохом никак не получалось.

Не очень высокие, но крепкие бетонные стены, не поддавались пушечным ядрам и изобиловали правильно «слеplенными» бойницами, конически расширяющимися вовнутрь. Имели место попытки взятия стен с помощью лестниц, но все они заканчивались неудачей. Орудия башен, выступающих вперёд, были направлены вдоль стен, и стреляя картечью, сносили нападающих с осадных лестниц. Башни стояли часто и пушек было много, поэтому попытки взять стены верхом тоже быстро прекратились.

Через три месяца взять город штурмом войскам мятежников не удалось и столицу осадили, перекрыв пути подвоза продовольствия, то есть – дороги, ведущие к воротам. Замкнуть кольцо вокруг стен, периметр которых достигал едва ли не десять километров, никаким ныне существующим армиям было не под силу.

В мятежниках оказались многие, ограниченные в правах бояре: Третьяковы, Кропоткины, Сидоровы, Айгустовы, Тетерины, Квашнины, и многие, многие, многие.

Иван Фёдорович Адашев насчитал более трёхсот отрядов, возглавляемых боярскими фамилиями. Единого лидера не наблюдалось и это, с одной стороны, Адашева радовало, а с другой стороны заставляло задуматься, что главные силы мятежников ещё не подошли. Иван Фёдорович среди осаждающих не видел, ни Бельских, ни Шуйских, ни Глинских. Захарьины находились в Кремле и, хоть и не лично, а дворней, но участвовали в обороне города. Курбский где-то умирал черемисов. Владимир Старицкий находился тоже в Кремле, но ссылаясь на болезнь ног, на стены не шёл и дворню на убой, как сам сказал, не посылал.

Адашев, подумал о том, и усмехнулся. Мятежники именем Старицкого стены и осаждают. На сторону мятежников перешёл и митрополит Московский со многими служителями.

За это Александр Васильевич издал указ «отобрать все грамоты на жалованные епископиям и монастырям земли и имущество», коими они пользовались многие столетия. На осно-

вании царского указа патриарх Максим Грек издал своё распоряжение о передаче церковной недвижимой и движимой собственности в царский приказ. Митрополитов и иных служителей культа вокруг стен Москвы после этого прибавилось.

* * *

– Похоже, что карта Герасимова, не помогла нам обмануть русского царя. Он не поверил, что Ченслер искал путь в Китай, думая проплыть туда по реке Двине, – задумчиво произнёс Генри Фиц-Алан, лорд-дворецкий королевы Марии Тюдор.

– Ему не дали даже попробовать, – хмыкнул Себастьян Кабат, управляющий английской торговой компании «Мистери».

– Да-а-а... Дураков там, оказывается, нет, а мы рассчитывали, – проговорил, усмехаясь Джон Дадли.

– У нас остался вариант предложить русскому царю открыть проход в Китай по реке Обь. Та карта правдоподобнее, – сказал Кабат.

– Но мы же понимаем, господа, что никакая река не может течь от индийских широт до северных. А острова пряностей находятся ещё южнее. Это же на противоположном полушарии, – простонал Джон Ди. – Сколько можно об этом говорить? Можно дурачить акционеров, но мы ведь должны реально мыслить?

– Да, успокойтесь, многоуважаемый географ. Никто никого не дурачит. Наше общество выполнило программу минимум, – попытался успокоить друга Кабат. – Наша компания называется: «Торговая компания купцов-путешественников для открытия земель, стран, островов и неизвестных мест». Ченслер официально открыл морской торговый путь в Московию. Ганзейский маршрут заблокирован.

– Но русские дикари не дают нам привилегии свободной беспошлинной торговли! – возмутился Уильям Герберт, лорд-хранитель печати. – Предлагаю послать к Двине наш военный флот и заставить их торговать цивилизованно!

Себастьян Кабот пренебрежительно хмыкнул.

– Вы не представляете, уважаемый лорд-хранитель, с какими трудностями сталкиваются испанцы колонизируя Вест-Индию. Вы знаете, я прошёл всё восточное побережье Америки. С севера до экватора. В Московии будет намного сложнее из-за холода... Да и капитан Ченслер рассказал про Московитов много нового и интересного.

– А что посол Московский? Говорят, ведёт себя дерзко? Вы, лорд-адмирал, встречались с дикарём? – спросил Уильям Герберт.

– Имел незавидную честь, господа, говорить с ним. Словно пообщался с пятью ирландцами, – ответил Уильям Говард. – Этот московит спесив и упрям, как бык. Норовит свести переговоры в политическое русло. Словно торговля не интересует Московитов. Он привёз предложение руки и сердца от русского короля.

– К кому?! – удивились все лорды. Только Джон Ди и Себастьян Кабот воздержались от восклицания.

– К Марии Тюдор? – спросил лорд-дворецкий.

– Нет, к Елизавете Тюдорб.

– Вы у себя в Адмиралтействе помешаны на секретности? Не выпускаете московита из Тауэра, – поморщился Герберт. – Однако у королевы имеется хороший шанс отправить конкурентку очень далеко.

– Вы с ума сошли, Уильям?! Давать русским царям право наследования нашего престола? – возмутился Говард.

– С её помощью можно воздействовать на русского короля. Как там его?

– Александр, – сказал лорд-адмирал. – Плохо, господа, другое. Откуда-то русский царь знает про Елизавету и о том, что она примерно такого же возраста, как и он, и к тому же не замужем. Мы, господа тоже, конечно многое знаем про Московию, но ведь это, только благо-

даря нашим осведомителям, поддерживающими связи с монахами ордена. Всех наших прямых агентов русский государь извёл. Всё они в один год вдруг ушли на небеса. Пятнадцать лучших агентов, господ.

Лорд-адмирал вздохнул.

– Теперь приходится использовать литвинские каналы. Но и благодаря им мы знаем, что в Московии бунт.

– Ха-ха! – хохотнул Фриц-Алан. – Слово вы к бунту никакого отношения не имеете?

– Ну... Если только совсем немного. В основном деньгами. Это давняя игра принесла свои плоды. Мы просто чуть-чуть ускорили события. Слишком уж новый московский царь оказался не удобным. И вот тут, кстати, я поддержал бы предложение сэра Уильяма Герберта. Вижу смысл в посылке к Двине несколько военных кораблей с небольшой армией. И совершенно пустые торговые суда. По словам Адамса там одного тюленьего жира на тысячи фунтов. И пушнина.

– Ха! – снова хохотнул лорд-дворецкий. – Можно собрать неплохой гешефт если подняться по Двине. Она достаточно судоходна?

– До Холмогор, как пишет тот же Адамс, она вполне себе судоходна. Там же и основные склады с северными богатствами, – сказал Кабат.

– Но тогда нам придётся забыть о нашей торговой компании и Московии, как торговом партнёре! – воскликнул Джон Ди.

– Успокойтесь, Джон! – скривившись, медленно растягивая слова произнёс лорд-адмирал. – Корабли пойдут под ложным флагом. Например, как голландцы. Или, как франки.

– Однако, где взять средства на снаряжения такой флотилии?

– Предлагаю переформатировать наше торговое общество. Формально, московский царь сам предложил создать Московскую торговую компанию и гарантировал беспрепятственную торговлю на паритетных началах. Он ждёт наших условий и гарантий.

– Так давайте дадим их ему! Максимальные, но строго на определённый срок. Пусть плывут его купцы к нам! Только если кто из них не доплывёт, то мы тут не при чём, – сказал и снова рассмеялся Уильям Говард.

Заседание правления торговой компании купцов-путешественников продолжалось ещё какое-то время, но уже все главные слова были сказаны и решения, формально, приняты. Осталось только найти деньги на экспедицию, но правление не стало концентрироваться на деньгах. Аристократы и деньги – это так пошло и несовместимо! – считали лорды.

О деньгах, как только было произнесено слово «средства», сразу же задумался управляющий компании Себастьян Кобот и на всё остальное время из обсуждения выпал.

Кобот думал, в каком виде представить своим патронам идею лорд-адмирала сэра Уильяма Говарда. Чем заинтересовать? В акционерной компании состояло более двухсот человек, жаждавших получить свою долю. Пушнина и тюлений жир неплохой товар, но конечно же не сравнится с пряностями, которые были обещаны. Надо искать торговые пути в Китай и Персию через Московию. На картах пути уже проложены. Но это другая история.

С картами тоже не всё так просто. Древние карты северного побережья, как уже понимал Кабот, сильно отличаются от действительных. Берега Московии оказались значительно южнее, чем обозначенные на картах широты.

Кобот опасался того, что имеющиеся карты придётся исключить из обращения, как и предрекал его друг, математик, астроном и географ, Джон Ди. Себастьян понимал, что им не найти путь в Индию через северное море, но понимал и то, что ни акционеры, ни патроны этого понимать не должны.

По словам капитана Адамса, северные моря вполне себе судоходны и в летний период свободны от льдов.

– «Надо постараться вместе с военной экспедицией отправить один корабль для научной, чтобы пройти вдоль берега дальше на восток», – подумал Кабот.

Встреча с монахом, традиционно патронировавшим изыскания пути в Индию, проходила в одном из немногих, оставшихся у августинцев после секуляризации⁹ домов в Сити. После изъятия земель и имущества ордена Кабот полагал, что финансирование экспедиций иссякнет, однако ошибся. Итальянский банк в Лондоне субсидировал и северную экспедицию в Китай. Так её называли официально.

В экспедиции они потеряли два корабля. Да и товары с третьего корабля были изъяты казной Московского государя. Если бы не дурацкий апломб Ченслера, всё могло бы пойти иначе. Ченслер не был главой экспедиции и не знал тонкостей английской игры. Он попытался назваться послом к Московскому царю, а в письмах-то обращения к конкретному правителю не имелось. Это у Хью Уиллоби имелось несколько писем. И к царю Ивану, и к хану Сибирской Тартарии, и даже к императору Китая. Чем чёрт не шутит, вдруг экспедицию занесло бы и туда? Но получилось, так, как получилось.

– Что дало совещание правления общества? – спросил Бернارد Оконер. – Про посла Московитов что-то стало известно, кроме того, что он требует двадцать перемен блюд?

– Из нового, отче, стало известно, что царь фактически посватался к Елизавете Тюдор. Про посла ничего нового. Лорд-адмирал предложил напасть на северные склады Московии, используя чужой флаг.

Оконер нахмурился, подумал и сказал:

– А это правильно.

– В Московии бунт.

– Мы это знаем. Там ещё и шведы с ляхами готовят вторжение. Не до того будет московским правителям. Не до северных земель. От Двины до Москвы, говорят, очень долго ехать.

– То есть, на ваши субсидии можно рассчитывать?

– Можно. Банк даст кредит обществу.

Глава 5.

Тетива тенькнула, стрела вылетела и почти через три секунды вошла в центр плотно связанного снопа, положенного на треногу. Аза отняла от лица «очки».

– Не понимаю, как это возможно?! – задумчиво сказала она.

Санька и так «видел», что попал в центр мишени, но тоже приложил к глазам вырезанную из липы и скруглённую по лицу дощечку с узкими прорезями. Когда-то он подсмотрел такое приспособление у чукотских охотников. Как-то знакомые взяли его на медвежью охоту на Камчатку, а оказались они в итоге в Анадыре. Вот там Санька и увидел деревянные «солнечные» очки, сберегающие глаза от отражающихся от снега солнечных лучей. Оказалось, что через узкие щели и видится чётче.

«Очки» Санька сделал для Азы, которая не видела стрелу в мишени на дистанции двести метров. На такое расстояние стрелы не пускал никто, кроме Александра, а он ещё и попадал в цель. Аза не верила и бегала проверять после каждого его выстрела, вот Санька и вспомнил про чукотские очки.

Несмотря на его сверхвозможности, Саньке приходилось свои сверхспособности тренировать. Одно дело видеть цель на любом расстоянии, а другое дело суметь натянуть тетиву и рассчитать полёт стрелы или какого иного заряда: пушки, пищали. Возможности, как компьютер, учитывать все влияющие на полёт заряда факторы и высчитать параметры выстрела у Александра не было.

Он мог просто подкрасться в «виртуале» к врагу и шарахнуть его кулаком прямо оттуда, проявившись частично, мог переместить предметы на большие расстояния, поместив их тоже сначала в свою «ноосферу», а вот так просто двигать предметы или управлять ими в полёте, он не мог.

На людей влиять мог, вплоть до управления телом, а на неодушевлённые предметы влиять не мог.

– Как ты это делаешь? – спросила Аза.

Александр пожал плечами.

– Меня ранили в голову и я потерял зрение. Совсем. Постепенно зрение возвратилось, а с ним проявилась дальность. Мне видно даже цвет оперения стрелы.

Аза подошла к нему и взяла его лук. Вложив тетиву в сгибы четырёх пальцев, она попыталась натянуть лук, но безуспешно.

– Осторожно, – сказал Санька, – обрежешь пальцы.

– У нас есть воины, способные натянуть твой лук, но долго стрелять из него невозможно. Ты же выпускаешь в цель все стрелы из колчана, утыкивая сноп ими и ни разу не попав в другую стрелу. Вот и сейчас я уверена, что вторую стрелу ты вонзишь рядом с первой, как и остальные пять. Ты уже не раз так делал.

– Хорошо, когда жена уверена в муже, – сказал, улынувшись Александр.

– Ты смеёшься, а мне хочется плакать, – всхлинула Аза.

– Почему? – удивился Санька.

– У нашего народа есть традиция устраивать праздники, на которых воины показывают своё умения. Но даже наш лучший воин иногда ошибается. И это даёт хоть какую-то надежду другим воинам. Надежду когда-нибудь победить. Соревнуясь с тобой, надежды победить нет ни у кого. ТЫ же видишь, что мои братья стали отказываться ездить с тобой пострелять из лука.

– Ну, что же мне делать? Специально мазать?! – спросил и усмехнулся Санька. – Думаю, так будет не честно, по отношению к твоим братьям и другим воинам.

– Ты бы хотя бы не издевался над ними. Ведь ты попадаешь стрелами так плотно друг к другу, словно вколачиваешь гвозди шляпка к шляпке. Хорошо хоть на снопке это не так видно, а колода утыканная твоими стрелами, выглядит совсем неприлично.

– Милая, я хотел удивить и порадовать тебя, мою жену. Гордись и восхищайся мной, а не переживай за своих братьев. А то я могу подумать, что они тебе дороже меня.

Аза посмотрела на мужа и по её взгляду Санька понял, что последние, сказанные им слова, были лишние.

– «Но с другой стороны, какого чёрта?», – подумал Александр.

Откровенно говоря, с Азой у них отношения не заладились с первых дней. Вернее с самых первых дней после свадьбы всё было хорошо и даже отлично, но сразу после того, как в жене поселилась новая жизнь, Аза стала относиться к мужу, как к постороннему человеку. Она не только пресекла интимные контакты, но и стала просто хамить. Для первичного токсикоза по времени было ещё слишком рано и Санька понял, что дело в её личном к нему отношении.

Сначала он подумал, что может быть Аза не смирилась с гибелью мужа, но вскоре понял, что не прав. Он как-то задал вопрос о недавних внутриклановых стычках. Аза ответила не однословно, а развёрнуто, но пренебрежительно. Перечислив всех участников. В том числе и своего бывшего мужа.

Санька попытался быть ласковым и предупредительным. Пытался разговорить её на темы для неё интересные, на обсуждение которых они раньше отводили много времени. Но никакие разговоры сейчас Азу не интересовали и Санька отстал от неё. Его захватили насущные проблемы и он на некоторое время отвлёкся.

К тому времени они уже достигли устья Дона и, пока строилась крепость, жили в юртах. Сначала в одной, потом Аза распорядилась поставить ей отдельную, куда доступ ему категорически запретила.

Санька доселе глубоко в душу к жене не заглядывал. Ключевое слово «глубоко». Прощупывал по чуть-чуть, конечно, но мысли её он читать остерегался. Мало ли, что в голове может быть у жены в данный момент. Например, если бы она имела возможность заглянуть к нему в голову, то Саньке бы не поздоровилось, точно. Поэтому, от чтения её мыслей, он до поры до времени воздерживался. До той поры, пока вдруг не увидел по ауре, что Аза ему точно не друг.

Как-то вечером он всё же решился заглянуть к ней в мысли, и соединился с тонким телом Азы. Оказалось, что Санька стал свидетелем разговора Азы с братом Салтанкулом. К сожалению, видимо, его окончания.

– ... а я сейчас никто! – сказала Аза брату как-то истерично и с вызовом в тот момент, когда Санька «включился» в их разговор. – А вот когда рожу сына, стану царицей. И тогда, и ваш царь, и вы у меня попляшете!

– Если ты себя будешь вести так, как ведёшь сейчас, то, как только ты родишь сына, тебя отправят в монастырь. Навсегда. А сына отберут.

– Я сама знаю, что мне делать и как себя вести! Я выведу весь ваш поганый род! Пошёл вон!

Глазами Азы Александр увидел, как Салтанкул шагнул к ней и ударил её по лицу. Ударил не сильно, но Аза отлетела на свою постель. Александр настоял, чтобы она спала не на полу юрты, а на полуметровом постаменте.

– Ты ещё об этом пожалеешь, – сказала она, вставая. – Мои войска...

Она не договорила. Салтанкул снова подскочил и пнул сестру ногой в живот.

– Вот тебе, твой сын, дура! – крикнул он.

– «Хрена себе, я попал на разговорчик», – подумал Александр и метнулся из своей юрты, однако понял, что совсем бос и это отвлекло его мысли на сапоги.

Однако, вспомнив, что ему «похеру мороз», сбросил их и, выскочив на улицу, запрыгал по сугробам. Пока Санька суетился, Салтанкул от Азы вышел и пропал в пурге. Санька хотел

крикнуть его или послать за ним стражу, а потом подумал, что никуда тот не денется, а надо спасти жену и будущего ребёнка. Когда он вошёл в юрту к жене, Аза лежала на постели, держась за живот. Санька стоял перед ней и тяжело дышал.

- Что с тобой? – спросила она.
- А с тобой? – спросил Александр.
- Просто лежу.
- Всё хорошо? – удивился он.
- Хорошо.
- Живот болит?
- Нет! Я же сказала, что всё хорошо!

Аза сказала это резко и отвернулась. Александр почувствовал такую к себе ненависть, что сделал шаг назад. Он понял, что частично находится ещё в сознании Азы, и это не его ненависть к себе, а её ненависть к нему. Но Александр не понимал причину её ненависти и поэтому постарался расширить своё мысленное присутствие в ней.

Чтобы не стоять истуканом, он присел на кровать и положил ладонь на крутое бедро Азы. Она дёрнулась, но руку не сбросила. Машинально Санька распространил свой свет на её чрево и то, что он там увидел, испугало его. Санька, боясь, что «это» почувствует его свет, руку убрал.

- Уходи, – сказала Аза. – Я никого не хочу видеть.
- У тебя точно всё хорошо? – спросил Санька.
- У меня всё очень хорошо. Ты даже не представляешь, как.

От этих слов Санька вздрогнул. Совсем немного посидев, скорее ради приличия, он встал с постели жены и вернулся в свою юрту. Он вспомнил, что в этом мире у него не было нормальных человеческих половых партнёров. То Гарпия, то кикиморки... То, что у них не могло быть от него детей, Саньку устраивало. Да он сначала об этом и не задумывался. Потом оказалось, что во время соития, он делится с партнёрами своей энергией, которую они называли светом и от которого они и сами «светлели» и меняли свою тёмную сущность на светлую.

Женившись, Александр не подумал, как повлияет его свет на Азу, и сейчас понял, что зря. Аза ему понравилась и Санька не пытался «предохраняться». Не от «залёта», естественно, Александру нужен был наследник, а в тонком плане.

Теперь Александр понял, почему Аза перестала подпускать его к себе. Да она просто не знала, что делать с энергией, переполнившей её. С новыми ощущениями и видениями.

- Вот я болван, – сказал Санька, войдя в свою юрту и сев на такую же, как у Азы, постель.

Перед его внутренним взором стояла увиденная им картинка чрева жены. В чреве жены зарождался не человек. Вернее, не совсем человек.

– Ты вот, что, Аза, – сказал Санька, отгоняя воспоминания. – Ты моя жена и мы с тобой не должны скрывать друг от друга... Э-э-э... Короче, у нас не должно быть друг от друга тайн.

Аза напряглась и нахмурилась. Её пятимесячный живот уже выпирал. Александр посмотрел на него, улыбнулся. Аза запахнула на нём края бараньей куртки.

После того случая Александр проделал большую работу с женой. Вернее, с внутренней силой, переполнившей её организм. Он перераспределил её по центрам-аккумуляторам, но всё равно силы было так много, что Саньке пришлось её отобрать. Вернуть, как говорится, «в зад». Это оказалось не так просто, ведь её сила пропорционально наполняла плод и при откачке уходила и из него.

Однако уже как месяц Аза ходила бодрая и весёлая, плод тоже чувствовал себя хорошо и отношения между Санькой и Азой наладились. Они стали вместе проводить больше времени, перебрались во вновь отстроенные хоромы, стоящие на самом высоком кургане и тали выезжать на конные прогулки. Беременным горянкам, как оказалось, это было не противопоказано, а совсем наоборот.

Да Санька и не беспокоился за будущего наследника. Там сидел такой малыш, что уже в утробе матери начал тренироваться. Санька вспомнил себя в «молодости» и усмехнулся. Он тренироваться стал с первых дней своей жизни, но ведь он был взрослый «попаданец» из другого мира в тело новорождённого младенца, а его сын... Кем был его сын, Санька не знал. Между ними образовалась мысленно-энергетическая связь и Санька, общаясь со своим будущим сыном, понял, что ещё не рождённый младенец развивается гораздо быстрее обычного.

– Не знаю, как ты воспримешь то, что я тебе сейчас скажу, но я вынужден это сделать, – сказал Александр.

Аза так и стояла держа в руках его лук.

– Понимаешь, – скривился он. – я не совсем человек.

Аза отшатнулась.

Санька, увидев реакцию, ещё больше скривился.

– Я тебе это говорю, потому, что у тебя скоро появится не совсем обычный ребёнок. – Он заторопился, видя, что жена хочет броситься от него со всех ног и взял её за руку. – У вас же есть легенды про богатырей? Вот наш сын и есть богатырь. Он уже сейчас готов родиться, Аза.

Аза задрожала и, выдернув руку и выпустив лук, опустила на землю и закрыла ладонями лицо.

– Я сказал неправильно, – сказал Санька. – Я – человек, но с необычными способностями. У меня есть своя внутренняя сила. Она и в тебя проникла. Поэтому тебе было плохо со мной. Но я уже всё поправил.

Санька не знал, что говорить. Слова, которые он находил, были какими-то глупыми. Они не объясняли сути. И он не знал правильных слов.

– Ты шайтан? – наконец спросила Аза, отняв ладони от лица и осторожно выглянув из-за них.

Санька снова поморщился, как от зубной боли.

– Вроде бы нет, – сказал он. – Жизни ещё никого не лишил своей силой. Наоборот нечисть и нежить в моей силе становится... э-э-э... как бы добрее.

– Какая нечисть и нежить? – испуганно спросила Аза, распахнув свои голубые глаза по максимуму. – Где ты её встречал?

– Да так... Встречал... – Санька спрятал взгляд. – Я тебе потом расскажу. Сейчас давай про нашего сына...

– Богатыри, когда рождаются, убивают своих матерей, – печально сказала Аза.

– Вот и я говорю, – заторопился Санька. – Если ждать положенные девять месяцев, он не сможет выйти. Тебе надо рожать его сейчас.

– Как сейчас? Ведь прошло всего пять лун! – Аза быстро-быстро заморгала глазами. – Ой он шевелится! Я не хочу сейчас!

– Конечно, не прямо сейчас! – рассмеялся Санька. – Приедем в город. Подготовимся. Воду согреем, Марту позовём. Она умница. Не одного младенца на свет приняла. Любит она это дело и очень ловка.

Аза посмотрела на мужа и, подав ему руку, поднялась с земли.

– Поехали рожать. Уболтал красноречивый, – сказала она с таким кавказским акцентом, что Санька удивлённо посмотрел на неё.

– Поехали-поехали! Чего стоишь? – спросила Аза уже из седла.

В город они въехали на рысях, причём Аза неслась, словно хотела вытрясти из себя младенца.

– Ты куда несёшься?! – несколько раз спрашивал Санька на скаку, но Аза не отвечала.

Она сама выкрикнула Марту, уже встречавшую их за воротами царского двора, и всё вдруг закружилось, завертелось. Забегали и заголосили девки с вёдрами, тазами и полотенцами.

– Воды отошли, – тихо сказала Марта. – Вовремя приехали.

Санька удивлённо выпучил глаза.

– Это не ты, что ли поторопил младенца? – спросила тоже удивлённо Марта.

Санька покачал головой и произнёс.

– Это он сам так решил. Услышал нас.

– Богатырь, – сказала кикиморка и покачала головой. – как бы беды не наделал. Они, богатыри, такие...

Видно было, что Марта не может подобрать правильных слов.

– Ты многих встречала? – с интересом спросил Санька.

– Встречала, – уклончиво ответила она. – Давно это было.

Санька встрепенулся, поняв, что не знает, сколько его «возлюбленной» лет.

– Ты давно в кикиморах? – аккуратно, опасаясь обидеть, спросил он.

Марта хмыкнула.

– Лет пятьсот уже.

– Фига себе! – воскликнул он.

Марта грустно улыбнулась, кокетливо потупя взгляд.

– Разлюбишь?

– Да ну тебя, Марта! Ты чего удумала?! Шутишь, что ли?! Какая любовь?! С дуба рухнула?!

Марта рассмеялась моментально преобразившись.

– Не повёлся! Крепка в тебе сила! Аж богатыря выродил.

Санька замахал на Марту руками.

– Не дури мне голову! Иди роды принимай! Заболтала совсем!

– Без меня не начнут.

– Точно?

– Всё под контролем. Я держу его. Но...

Она пристально посмотрела на Александра.

– Недюжинную уже силу имеет твой сын. Что-то дальше будет?

Марта улыбнулась, и они вошли в ещё неостывшую со вчерашнего вечера баню. Как самое чистое помещение, особенно если топились по-чёрному, баня на Руси была местом, где принимали роды. Да и омыть ребёночка и роженицу было проще именно там.

На самом деле баня на Руси была больше, чем просто помывочное место. Это было место сакральное. Шаманы в бане камлали, обращаясь к духам, ведуны входили в транс, распаяя себя жаром, и лечили хвори, с помощью веников, собранных из связанных веток разных деревьев. Здесь младенца крестили огнём, землёй, водой и воздухом, прося богов дать новому человеку силы.

Санька знал это из рассказов стариков, шаманов, с которыми встречался постоянно, интересуясь их опытом, ну и тех же кикимор. Те знали много, ибо жили долго и касались обоих миров: тонкого и материального. Александр относился к древним традициям серьёзно, так как точно знал, что сие не выдумки.

Саньку, так не крестили, потому что испугались его необычности, выраженной в излишней волосатости, сразу отнесли в лес и подложили в берлогу медведице. А не крестив, не «привязали» к четырём стихиям, и Саньке самому пришлось соединять свою чистую душу с внешними силами.

Пока Санька размышлял о жите-бытье, мысленно успокаивая жену и снимая ей родовые боли, Аза разрешилась сыном. Марта приняла его и передала Александру. Санька первым делом осмотрел ребёнка, беря его то за руки, то за ноги, никаких внешних изъянов не заметив. Младенец терпел, тихо покряхтывая и моргая подслеповатыми глазами.

Александр поднял сына на вытянутые руки и сказал:

– Крещу тебя воздухом.

Потом опустил вниз и коснулся ногами малыша золы, собранной в кадке у очага.

– Крещу тебя землёй, – сказал он.

Пронеся сына над огнём, произнёс:

– Крещу тебя огнём.

Потом Санька взял ковш с водой и вылил её ему на голову.

– Крещу тебя водой, – сказал Князь Света.

Крест четырёх стихий сошёлся на младенце.

– Слава Богу, – сказал Санька и перекрестился сам.

Глава 6.

– Что ты говорил про... э-э-э... свои... э-э-э... способности? – спросила Аза сразу, после того, как выслушала Санькины поздравления и приняла обёрнутого в пелёнку ребёнка. – Хотя я уже что-то начинаю понимать.

Она хоть и лежала на постеленных прямо на низком банном полке матрасе и перине, но чувствовала себя неплохо.

Зато Санька чувствовал себя очень неловко. Он не знал, что говорить. Ему не хотелось обнажать душу перед, в общем-то, чужим человеком. У него не было к Азе того чувства, когда теряешь голову и выпускаешь любимого в себя и отдаёшься ему без остатка. Санька прожил долгую жизнь, в которой имел жену, детей и много посторонних женщин. Это если говорить про любовь. А ещё он имел богатый опыт общения с разными людьми, достигшими разные культурные и умственные уровни развития.

Из полученного опыта он давно для себя сделал вывод, что раскрываться ни перед кем нельзя. От слова «совсем». Даже перед матерью и отцом, которые тоже люди и тоже бывают разные. Как сказал один его знакомый: «Жаловаться никому нельзя. Друзья расстроятся, а враги обрадуются. Какой смысл?».

– Я с раннего детства был склонен к ведовству и обладал лекарскими способностями. Вижу человека насквозь со всеми его хворями. Могу боль снять и силу дать, чтобы рану залечить или хворь победить. Видеть могу далеко. Ну, это ты знаешь... Что ещё?

– Ты про нечисть с нежитью расскажи. Где и кого видел? – расширив глаза от удивления попросила Аза.

– С лешими встречался несколько раз, водяным, кикиморами болотными. Даже с гарпией был знаком... Она помогала мне. Но её Аид забрал в нижний мир.

Аза растеряно захлопала ресницами.

– Вот это да! А иныжей и испов не встречал?

– Кто это? – спросил улыбаясь Санька.

– Это одноглазые люди и карлики. Они у нас в горах живут. Одноглазые злые, а карлики добрые. Они иногда берут в жёны наших девушек, которых не берут в жёны наши парни.

– Не встречал. Наверное, потому что у нас нет таких высоких гор, как у вас.

– Фу, – фыркнула Аза. – У вас вообще нет гор.

Она помолчала.

– Хорошо, что ты посвятил нашего сына и огню, и воде. У нас есть те, кто поклоняется огню и те, кто поклоняется воде. Наш сын будет под двойной защитой.

Она задумалась, к чему-то прислушиваясь, потом сказала.

– Спасибо тебе, Алекс. У меня нигде не болит, а ведь должно. Вон он какой!

Она поправила ткань у личика новорожденного. Малыш весил килограмм семь. Санька определил вес примерно, но даже по внешнему виду малыш выглядел огромным.

– И где он в тебе прятался? – серьёзно спросил Александр.

– Сама не знаю, – рассмеялась Аза и посмотрела на Александра так нежно, что у Саньки потеплело в груди. – Спасибо тебе!

Она взяла его руку и поцеловала. Санька перехватил своими руками её ладони и поцеловал каждую.

– Тебе спасибо, царица, – сказал он, пристально глядя её в душу.

Аза вздрогнула.

– Не называй меня так, прошу тебя. Ты – царь по достоинству. Я жена твоя и мать будущего царя!

Её душа от слова «царица» не колыхнулась, а вот при словах «мать царя» вскипела. И Санька не знал, хорошо это или плохо? И во что вся эта история выльется? Сын – богатырь?! Он в своих-то способностях толком не разобрался, так, на уровне «научного тыка», а тут ещё один странный субъект народился. Или два? Аза ведь тоже... э-э-э... приобрела некоторые сходные с Санькой особенности.

– А ты ничего внутри себя не ощущала? Ну, кроме ребёнка, конечно, – засмутился он двусмысленности вопроса.

Аза хитро глянула на мужа.

– Я уже давно вижу сеть мироздания и себя в этой сети и сеть в себе. Я пока ещё мало что понимаю, но научилась читать человеческие души. Так же, как и ты. Меня ещё бабушка Мыджэмп учила, что весь мир во мне. Вот я его и почувствовала. А раз и в других людях этот же мир, то значит все люди соединены душами, подумала я. Вот и научилась их видеть в себе.

– И меня видишь? – с интересом спросил Санька.

– Конечно, вижу. Правда, прочитать тебя, пока не получилось. Но я стараюсь.

– «Ну-ну, – подумал Санька. – Я от всякой нечисти закрылся, что в душу лезла, и даже от Гарпии, а от тебя и подавно уйду!». Подумал, и сделал себе зарубку на память: «Проверить, как работает защита?». Давно не проверял. Это же, как с антивирусом. Ты думаешь, что комп защищён, залез в него года через два, после установки, а в нём уже поселились и размножились тысячи «чертей». В смысле – «червей».

Санька вспомнил, как поначалу, когда родился, сильно скучал без интернета. У него даже в Приморской тайге роутер ловил сеть. Друг радиотехник, такой же старый, как и Санька, реализовал свою идею с антенной, растянув провода на одной из сопок.

В этом мире Санька создал информационную сеть сам, подключившись сначала к ноосфере, откуда стал получать информацию о прошлом. В виде чьих-то отрывочных мыслей, мольб, откровений и покаяний.

Потом Санька научился удалённо контролировать людей, оставляя в них частицу своей силы, и через них видеть и слышать окружающее их пространство. Немного помудрив, Санька заставил «силу» откладывать эту информацию в ноосферу.

В оболочке своего энергетического двойника Санька видел мир в виде энергетических сгустков и силуэтов. В них и «записывались» события, видимые и слышимые объектами контроля. Даже образы растений и животных легко становились накопителями нужной для Саньки информации.

Например, деревья и растения не имели глаз и ушей, но имели колебательные контуры в виде листьев, ветвей. Потренировавшись, Александр сначала научился считывать записанные растениями колебания, а потом расшифровывать их. Сама энергия света помогала ему, так как была одновременно и его сущностью, и внешней формой воздействия на весь мир, и сущностью всего в мире.

Санька удивился, когда узнал, что у народа, к которому относилась его Аза, существовало понятие о созданной Богом паутине мироздания, где имеется место для каждого человека. И когда он об этом узнал, то понял, что информационная сеть существует не с того момента, когда он её «создал», а с момента создания вселенной. И Саньке стало немного стыдно, что он приписал себе деяния Бога. А когда Санька это понял, то поиски информации, в воистину глобальной, а, возможно и вселенской, сети, превратились в лёгкое и приятное мысленное путешествие.

Теперь, для того, чтобы «осмотреться», Александру не нужно было перемещаться своей сущностью в нужное место энергетической сферы. Он просто выбирал в сфере объект контроля и считывал с него информацию. Либо записанную, либо смотрел и слушал, что происходит в реальном времени, проникая, при необходимости, в объект, и управляя им по своему усмотрению.

Потом он вспомнил, что в мировой компьютерной паутине имеются, так называемые, «поисковики», компьютеры со специальным программным обеспечением, предназначенным для розыска в сети информации по «ключевым словам», графическим образам и понятиям.

Санька попытался сделать и себе что-то подобное, но его система поиска только лишь сигнализировала о том, что кто-то про него думает или говорит. Но и от того польза, считал Санька, была.

Вот и сейчас его имя мелькнуло в разговоре неких особ, но на это Санька не обратил особого внимания. Его «полоскали» ежедневно и, едва ли не ежечасно, десятки человек. Санька к этому привык, но находил в себе силы хотя бы выборочно проверять информацию.

Отметив, что о нём говорили на немецком языке, Санька заглянул в ноосферу, отметил место и про себя усмехнувшись, подумал:

– «Зреет нарыв, зреет. Скоро прорвётся».

– Чего задумался, – спросила Аза. – Боишься?

Она засмеялась. Малыш закрехтел и зашевелил губами. Аза притянула ребёнка к себе.

– Уходи, кормить его буду, – сказала жена и залилась краской.

– Ты не пеленай его плотно, – попросил Александр, вспоминая свои первые дни в этом мире, и тоже покраснел лицом, вспоминая, как спутал грудь матери с резиновой грушей, тыкаясь в неё маленькими ручонками. Сослепу-то... И от непонимания, куда он попал.

Санька улыбнулся воспоминаниям и вышел из бани.

Ростовская крепость стояла не на том месте, где её ставила Елизавета Петровна, младшая дочь Петра Первого и Екатерины, а чуть ниже по течению в месте ответвления правого рукава старицы. Крепость была деревянной, собранной из срубов, соединённых двойными стенами. Срубы в нижней части и межстенное пространство засыпали землёй, взятой с курганов. Кое-где они ещё возвышались над домами, но работы по наполнению стен землёй продолжались и курганы таяли, как снег.

Строители не стали заполнять землёй срубы полностью, как это было принято в этом времени, рассчитывая впоследствии обнести деревянные стены бетоном и использовать срубы, как башни. Строители были опытные, работы велись споро и в хорошем темпе, поэтому за зиму внутренний периметр деревянной крепости возвели и принялись за «жилищное» строительство.

Во-первых, на центральном холме выстроили пятисрубный и двухэтажный царский дворец. Дворец увенчали пятью башенками. Вокруг дворца поставили хоромы ближних людей, в основном, – князей Черкасских. Ближе к стенам установили общежития для царской гвардии и комендантской роты кремля. Остальные, жилые и производственные постройки, возводили за стенами кремля, вдоль правого рукава устья Дона.

Селяне Коломенского, вместе с Мокшей и Лёксой, переехали в Александровск-на-Дону практически полностью. Мокша свои производства, естественно, не закрыл, но мастеров почти всех забрал, оставив цеха на мастеров села Латного, охотно взявших их в аренду.

Причиной отъезда Мокши и его «цеховиков» было письменное распоряжение царя переместить «огневые» производства на Дон. Вот и растянулась цепочка крепостей от Липецка до Александровска, обрастая сёлами и деревеньками. А к маю вспыхнула смута, и народ на Дон побежал шустрее.

Крепость одним лучом удобно упиралась в излучину устья, двумя длинными лучами в Дон и его рукав, короткие лучи смотрели на север.

Санька осмотрел дело рук «своих» и тяжело вздохнул.

Турецкий султан, вероятно опешивший от поражения у крепости Таганрог, ко второй попытке готовился тщательно. Санька «видел и слышал» Сулеймана много раз, «виртуально» присутствуя на его разносах подчинённых, но ничего, о чём османы говорят, не понимал, а

потому, только по суете и озабоченным лицам, чувствовал, что скоро грянет гром. Орудийный и пушечный.

Таганрогская крепость, прикрытая с моря посаженными на мели турецкими кораблями, а со стороны материка стенами и много-эшелонированными заградительными укреплениями в виде рвов, рогатин и острых колышков, вбитых в землю, чувствовала себя более чем уверенно. Гражданского населения в ней не было совсем, как и ворот с северной стороны. С морской стороны высоких стен тоже не было. Высокий и обрывистый берег, укрепленный наклонно выставленными острыми кольями, надёжно оберегал защитников русла Дона.

Ещё раз вздохнув, Санька поднялся в царские хоромы, по пути встретив одного из братьев Азы, поздравившего царя с рождением наследника. Салтанкула, после того случая с Азой, Александр отдалил, отправив воевать на Кавказ. Отдалил, не объясняя причины и не устраивая разборок. Но Салтанкул принял отдаление, как справедливую ссылку, вероятно решив, что Аза пожаловалась мужу на брата и уехал, благодаря Богу за царскую сдержанность.

– Мне умыться и перекусить что-нибудь мясное, – сказал он. – Буду один.

Уже все давно привыкли, что царь, оставивший в кремле свою челядь, тёток и мамок, обходится двумя-тремя слугами и двумя-тремя горячими блюдами из согласованного на неделю меню. Иногда он просил приготовить что-нибудь из добытой им или рыбаками-охотниками дичи или рыбы. А так гарниров всегда было несколько: из круп, бобовых или корнеплодов.

Много ли, мало ли, а во дворце всё же работало и кормилось человек тридцать вместе с охраной, потому еды готовили много и разной. Поэтому Санька мог спокойно выбрать себе по желанию практически что душе угодно в это время суток.

Едой простого люда царь не брезговал и этим не опустил, как ему предрекал Адашев, а приподнялся в глазах окружающих. Повара и стряпухи вынуждены были всю еду готовить с высшим качеством. Да и отравить всю еду было весьма проблематично. Яда в таких количествах просто не существовало.

Готовили для Саньки и персонально-специальные блюда, в основном десертные, которые можно было начинить отравой, но их делала одна из, ещё Коломенских, кикиморок. Ей травить Саньку не было резона. Если только по наущению Аида или Гарпии? Но те, думается, найдут более изощрённые способы убить кого угодно, чем яд.

– «Так кто же это поминал меня всуе?», подумал Александр, жуя оторванный от запечённой бараньей ноги шмат мяса.

Он часто совмещал полезное с приятным, просматривая, одновременно с приёмом пищи, «новости». Подглядывая и подслушивая Санька не терзался стыдом, полагая, что раз ему такие способности даны, значит это естественно. Он не подглядывал за девушками в банях, или речных купальнях. Не интересовался семейными ссорами или интимными отношениями. Ему это было не интересно. Бытие определяет сознание, а бытие Санькино было таким необычным, что и сознание его усложнилось на столько, что ему даже не приходила в голову похабщина. Слишком серьёзные он ставил перед собой задачи.

Кому многое дано, с того и спрос велик, понимал Санька, пытаясь структурировать цели и задачи, способы и средства для их достижения. Особенно трудно было систематизировать поступающую для решения определённых им для себя задач информацию. Не до пошлостей Саньке было, не до них.

Частично войдя в ноосферу, Санька коснулся объекта, упомянувшего его имя, даже не осознавая, кто этот человек. Коснулся, включился в блок звуковой памяти его энергетической матрицы и услышал следующее.

– ... Александр. Теперь он оставил Москву и находится в устье реки, которую русы называют Дон. Обороной столицы и всего северо-запада Руси, занимается его министр Адашев. По нашим сведениям, вся лояльная русскому царю нечистая сила ушла вместе с ним.

Санька, услышав это, прекратил не только жевать, но и дышать, а потому, когда вдруг вспомнил о дыхании, резко вздохнул, подавился и надолго закашлялся.

Запив кашель морсом из мороженных ягод дикой малины, Александр «отмотал запись разговора» немного назад.

– Как мы теперь понимаем, во время военной операции москвитов против ордена Левонии были задействованы тёмные силы в виде лесных оборотней. И привлёк их к войне на советской стороне царь Александр. Теперь он оставил Москву и находится в устье реки, которую русы называют Дон. Обороной столицы и всего северо-запада Руси, занимается его министр Адашев. По нашим сведениям, вся лояльная русскому царю нечистая сила ушла вместе с ним. Хотя единичные оборотни могут находиться в примыкающих к столице лесах. Они не могут жить в населённых пунктах.

– «А вот тут ты врёшь, – подумал Санька. – Мои оборотни могут жить и в городах».

– Точнее, о том, присутствуют ли в столице, или рядом с ней отряды боевых оборотней, мы сможем узнать только на месте.

– Я правильно понимаю, брат, что наши маги не имеют возможности блокировать боевых оборотней русичей.

– Тот оборотень, которого наши братья отловили в лесу и допросили, рассказал, что Александр расплачивался с ними светлой силой, дающей оборотням особые качества, сродни иммунитету. Не все ливонские оборотни были сторонниками общения со Светлым Князем, как они называют русского царя. Некоторые вожди пытались заставить оборотней отказаться от войны с рыцарями, но наткнулись на препятствие в виде света. Сила наших магов несколько иная, ноюсь, что вы правы, мессир.

Услышав слово «мессир», Санька визуально сконцентрировался на другом объекте беседы и понял, что видит перед собой Папу Римского Юлия.

– Вот те раз, – сказал Санька и мысленно перешагнул в Папу.

– А вот тебе и два, – сказал он, увидев того, кто докладывал папе о боевых оборотнях русского царя.

Глава 7.

Несколько месяцев назад.

Микаэль Агрикола, епископ финляндской лютеранской церкви, находился в состоянии, близком к шоку. Он, конечно же, слышал, что Русь вне городов продолжает оставаться языческой. Да и в тех местах, где «победило» христианство, всё ещё поклонялись древним святым, почитали языческие праздники, пугали детей домовыми и кикиморами, закрывали ставни в полдень, чтобы в окна не заглянула полуденка и не скосила косою хозяев. Потому в полдень на Руси все спали, или, по крайней мере, лежали, ибо встретить полуденку стоя, означало – смерть.

Легенды и мифы Рима и Греции, древние церковные книги, записи жрецов Вавилона на глиняных досках, сохранявшиеся в библиотеках Ватикана, сообщали о былом противостоянии людей и нелюдей. Только благодаря приобретению людьми особых способностей, которые назвали магией, нелюдей удалось победить. Кого-то уничтожили, кто-то сам ушёл на соседние земли, где их продолжали бояться и даже почитать.

На этих землях тоже проживали люди, научившиеся общаться с духами. Благодаря им отношения между человеком и нелюдьми выровнялись. Люд отдавал нелюди почести, а нелюдь не заходила в пределы кона, – людского порядка. Только за пределами человеческой территории люди и нелюди иногда встречались. Последствия были разные.

Агрикола до сих пор почти не верил ни в легенды с мифами, ни в правдивость Русских сказок и разумность обычаев. Конечно, как любой мистик, он прошёл долгий путь обучения и мог выявить людей с необычным даром. Колдуны, имеющие власть над силами природы и теперь встречались асто. Он и сам мог, при желании, собрать или разогнать тучи, заставить болезнь отступить или заставить человека подчиниться его, Агриколы, воли.

Но в оборотней и кикимор епископ не верил. Переход материи из формы в форму или в невидимую субстанцию не укладывался в его голове. А тут перед ним стоял «обычный» оборотень и рассказывал про то, как его братья превратились в рыцарей и коней, и, вместе с кикиморами, тоже принявшими образ людских латных воительниц, напали на отряд рыцарей ордена Тевтона. И не просто напали и убили, а, убив, забрали их души и отправили к Аиду.

– Значит, ты говоришь, что самолично видел человека, называвшегося Светлым Князем, который договаривался с вашим вождём и обещал воздать вам своей силой?

– Да, господин, – ответил оборотень. – Но я не пошёл.

– Я это уже слышал, но я тебе не верю, – спокойно прервал оборотня епископ.

– Но я остался здесь, а почти всё наше племя ушло с Князем. . .

– Ты остался здесь, как шпион. Признайся в этом.

– Мне нравятся эти леса. . .

– Ты ещё не сказал, кто скрывается под именем «Светлый Князь», – снова прервал оборотня маг. – Ты же не станешь утверждать, что вы не знаете его настоящей сущности, раз твои братья ушли вместе с ним. Кто он?

– Это царь Русов. Сейчас его зовут Александр, но у него несколько имён.

– Какие имена ты знаешь?

– При рождении его назвали Ракшай.

– «Тогда всё понятно, – подумал епископ. – Понятно, почему московский царь не поддался моему внушению. И, значит, он и про меня всё понял».

– Что ещё знаешь? Говори, может быть, скажешь такое, что оставит тебе жизнь. Заслужи наше доверие.

Агрикола переглянулся с Себастьяном, архиепископом-иезуитом, от тевтонского ордена ездившим послом в Московию и говорившим с царём Александром. Оборотень покосился

на серебряные наручи, прикованные такими же цепями к кольцам, вмурованным в каменную стену, и сказал:

– Вождь говорил, что русский царь вывернул его душу.

– Как это? – спросил Адашев.

– Просто. Вошёл в него и вывернул его наизнанку, как шубу. мехом наружу. Мы же оборотни. Вот вождя, когда он превратился в медведя, царь и вывернул обратно в человека. Залез в душу и...

Иезуиты снова переглянулись.

– Тогда становится понятным, как Александр видит и почему его пушкари не промахиваются. Всё дело в том, что он проникает в них и видит их глазами, – сказал Себастьян. – Я тоже пытался проникнуть царю в душу, но безрезультатно.

– Да, трудный нам попался, противник.

– Думаете, противник? – спросил Себастьян. – По-моему он был откровенен, когда говорил, что ему не нужна война.

– А при чём тут он и его желания? Ему, может быть и не нужна... Может быть, если он сейчас смотрит на юг. Но у нас свои интересы. Наша цель – заблудшие души схизматиков, погрязшие в языческой ереси. Ежели их «светлый князь» продаёт души наших братьев нежити, давая ей силу, то его надо останавливать.

Он обернулся к оборотню. Перед ним, прикованный серебряными цепями к стене, стоял пожилой кряжистый мужик в волчьей безрукавке, надетой на простую рубаху, перетянутую ремешком. Порты из грубой шерстяной ткани коричневого цвета были заправлены в кожаные сапоги с узкими высокими голенищами. Голову украшала всклокоченная борода с усами какого-то пегого цвета и такая же запутанная шевелюра.

– Будешь нам служить! – категорично сказал Агрикола.

Оборотень дёрнулся и, скривившись, спокойно сказал:

– Не буду. За что мне вам служить?

– Как, за что? За жизнь!

– Не ты мне её дал, не тебе и отнимать, – хмыкнул он. – Запрёшь здесь? Замуруешь? Как тех братьев, что в ваших крепостях сидят?

– В каких крепостях?! – удивился Агрикола.

– Во всех крепостях, – снова скривился оборотень. – Здесь – в каждой крепости есть замурованные волколаки. Про другие замки не знаю. Но, думаю, что и там их достаточно.

– Сожгли их давно, – неуверенно сказал Агрикола.

– Огонь нас не берёт. Мучительно – да, но не смертельно. Нас ничто не берёт. Мы – порождение тьмы и сжечь нас можно только в тёмном пламени, но здесь его нет.

– Я на твоём месте в этом не был бы так уверен, – усмехнулся Себастьян.

Он подошёл к левому дальнему от двери углу, убрал с аналая библию и распахнул две дверки, составляющие наклонную поверхность. Под ними оказалась площадка, на которой стояла лампада. Себастьян поднял её и, приблизив к оборотню, спросил:

– Знаешь, что это такое?

Оборотень испуганно выпучил глаза и вжался в стену.

– Кто вы? – почти застонал он.

– Верить теперь, что мы устроим тебе всеожжение? – спросил Себастьян.

– Верю, господин.

– Клянись Аидом...

* * *

– Представьте, Микаэль, я ни разу не видел «живого» оборотня. У нас их всех вывели очень давно. Рассказывают, что некий Римский царь был женат на настоящей гарпии. Она влюбилась в царя и, вырвавшись из Аида, пришла в земной мир в виде женщины. Поразила

его своей красотой и женила на себе. Тогда существовали и оборотни и нимфы. Сейчас эти твари ещё сохранились, как мы видим, на Руси.

– Мы их не замечали, монсеньор, оттого, что они прятались в густых лесах далеко от замков, где находились маги, – сказал Микаэль Агрикола, епископ финляндской лютеранской церкви, ещё недавно возглавлявший посольство Ватикана в Москве. – Их почувствовали лишь тогда, когда они уничтожили несколько отрядов рыцарей. Вы же знаете, монсеньор, что границы, защищаемые орденом, по древней традиции обороняются не только от Русских армий, но и от нечисти и нежити, всё ещё обитающей на тех землях.

– То есть, вы считаете, что русский царь Александр обладает некой силой, способной не только управлять этими... для нас ставшими уже мифическими, существами, но и передавать им свою силу.

– И не только, монсеньор. Оборотни получили от него разрешение напасть на наши войска и забрать души наших братьев и передать их в Аид. А каждая переданная оборотнем в Аид душа дает ему силу Аида. Царь Александр может этого не знать, но «его оборотни» когда-то смогут пожрать самого «Светлого Князя». Но нам от этого, если оно произойдёт, легче не будет. Нечисть и нежить может подняться на войну с живыми.

Понтифик погладил небольшую бородку.

– Да-а-а... Так уже когда-то было. Вы не знаете, почему его так называли, – «Светлый Князь»? И кто?

– Оборотень сказал, что так называет Александра нежить Московская. Сказал, что те оборотни, что приняли силу Московского царя, стали светлее. Потому и...

– Понятно... Светлый! А мы, значит, тёмные?! У нас есть кто-то из магов, способных заставить оборотней сражаться на нашей стороне?

– Александр не заставляет, а просит.

– Но ведь ты сам сказал, что он расплачивается с оборотнями душами убитых. Мы тоже можем...

– Всё же первично то, что нежить чувствует в нём великую силу, и тёмных даже не смущает, что это сила света. И, монсеньор, ещё...

Агрикола замолчал.

– Да, говорите уже, епископ.

– Я докладывал вам, монсеньор, что Александр попадал к нам ещё не будучи царём и я пытался его зомбировать на выполнение приказов. Так вот, маркеры не сработали совсем. На команды он не отреагировал.

– Да-да... Я помню ваш рапорт. Теперь мы понимаем, почему. То есть, он вас раскусил и всё же отпустил ко мне. Гуманный жест?

– Думаю, он очень хотел, чтобы вы, монсеньор, прочли его послание. Полагаю, он действительно не склонен воевать серьёзно.

– Тем хуже для него.

Понтифик поморщился.

– Хватит философствовать. Больше нельзя давать Московии ни дня, ни года на накопление силы. Тевтонский орден готов выступить? Поляки? Шведы?

– Все готовы, монсеньор, но все требуют деньги!

– У нас самих тут тоже всё очень сложно. Франки и Габсбурги борются за доминирование. На Апеннинском полуострове война. Султан Сулейман тревожит южные и восточные границы империи, а надо, чтобы он напал на русов. Александр ведь откусил у него Астрахань и Азов!

– Англы готовы стать посредниками в переговорах с османами и поставить османам необходимое для войны с Русией снабжение. Для этого просят, чтобы их пустили в Средиземное море.

– Эти бывшие венецианцы готовы на всё, лишь бы их допустили к торговле с Индией. Нам, действительно, надо как-то так помочь Сулейману, чтобы никто не воспринял это, как нашу помощь. Как Англы собираются прорваться в Константинополь мимо Франкии? Не думаю, что у них достаточно кораблей, чтобы обеспечивать торговлю и на севере, и на юге.

– Я точно знаю, что они готовят флот и намереваются торговать с русами стратегическим сырьём, оружием и боеприпасами через недавно открытым ими северному пути в Московию.

– Я о том и говорю. Но ведь ты говоришь, что московиты обеспечены своим оружием и порохом. Особым оружием и особым порохом. Зачем им чей-то порох, пушки?

– Пушек много не бывает, монсеньор.

– И то верно.

– Но, в основном, московитов интересуют металлы: медь, олово, железо, цинк.

– У вас есть быстрые каналы связи с Англией? Мне не хочется задействовать свои.

– Конечно есть, монсеньор.

– Пусть, вместо того, чтобы помогать Московскому царю, англы начнут экспансию её северных территорий. Передайте, что я не против. Заодно сдержим шведского короля Васу. Тот точно дальше Великого Новгорода не пойдёт, а завернёт на север к морю. И там он должен столкнуться с англами.

Понтифик тихонько засмеялся.

– А мы пока соберём всех наших магов. Пока Александр собрал всех своих «светлых» оборотней в устье... э-э-э... как его?

– Дона, монсеньор...

– Да-да! Дона! Забавное название... Пока он там, мы ударим магами с севера и запада. Нам надо собрать всю нежить, которую не собрал он. Он просит её участвовать в его войне, мы же призовём их своей силой. И тут нам очень помогли бы английские адепты мистических традиций.

– Вы говорите о ложах каменщиков и садовников, монсеньор?

– Я говорю об обществах Тампла. Кто бы и как бы их не называл, все они остаются мистиками Тампла. Их сила зиждется на древних традициях Вавилонских жрецов. И они, на самом деле, Вавилонские Храмовники, а не потому, что проживали в маленьком домике у стен Храма Соломона. За что они и были уничтожены, как орден.

– Мне это известно, монсеньор. Я посвящён, – потупив взгляд, произнёс Агрикола.

– Да-да! Я забыл, брат. Старею.

– С вашего позволения, монсеньор, я сам поеду в Англию. Только там мы найдём достаточно мистиков.

– Хорошо, Микаэль. Отправляйтесь. И пусть они начнут с северных территорий. Полагаю, что там нежити больше всего.

Александр выслушал «запись» разговора понтифика и епископа, и снова «включился» в Агриколу, но уже «напрямую». Епископ собирал вещи. Вероятно, готовился к отъезду.

– Симон! – крикнул он. – Ты подготовил голубей?

– Подготовил, мессир! – раздался откуда-то приглушённый голос. – Отпускать?

– Отпускай, – устало сказал епископ.

Агрикола представил, как выпущенные из темниц оборотни, связанные клятвой, скреплённой клеймом, раскалённым в тёмном пламени Аида, устремятся через границу Московии. Епископ машинально потёр предплечье левой руки, где имелось точно такая же синяя отметина перевёрнутого креста, оставшаяся после прикосновения такого же клейма.

– «Теперь мы в одном строю. В одном строю с оборотнями... Но ведь и русский царь сделал выбор на единение с тёмными силами... Правда, он пытается их осветлить. Глупец!

Чёрного кобеля не отмоешь добела! Этот мир не может быть светлым. И откуда он взялся, этот «Светлый Князь».

Санька удивился тому, что оборотень перевернул его прозвище, назвав Александра «Светлым Князем», а не «Князем Света». Слова, вроде бы, одни и те же, а смысл, по мнению Саньки, меняется сильно. И хоть Александр сам себе придумал прозвище, но оно словно бы всплыло из его ноосферы.

Санька не считал себя Светлым. Он сильно затемнил свою ауру, но всё ещё мог управлять потоками света. Но почему оборотень поменял слова местами? Эта нежить блюдет порядок и весьма символична. Между собой они не общаются словами, тем более по-русски, и уж если говорят, то считают произнесённые звуки магией.

Санька вдруг услышал звук падения какого-то предмета, епископ повернулся и Санька увидел человека в чёрном плаще, склонившимся за клеткой упавшей на пол. В клетке бился перепуганный голубь.

– Ты убьёшь его! – проворчал епископ. – Их и так осталось слишком мало.

– Простите, мессир. Я такой растяпа!

Монах поднял клетку, открыл дверцу, поймал испуганную птицу, сомкнул на её ногу кольцо и выкинул в открытое окно. Голубь несколько раз перевернулся в воздухе, потом поймал ветер крыльями и взвился ввысь.

– Ты с ума сошёл, Симон! Ты точно хочешь оставить меня без почтарей.

– Извините, мессир. Я такой неуклюжий!

Агрикола мрачно посмотрел на монаха.

– Бог простит, – сказал епископ, крестясь и едва сдерживая раздражение.

Уже через сутки голуби будут в Кракове, Лондоне и Стамбуле. Ещё через сутки другой голубь перенесёт сообщение в Стокгольм. Для Кракова и Стокгольма сообщения были одинаковы: «Выступайте!», для Лондона: «Скоро буду». В Стамбул улетело: «Начинаем!».

Вспомнив, что ему надо собирать вещи для морского путешествия, Агрикола вздохнул и с огорчением представил себе предстоящее путешествие.

– И что я не птица? – подумал он.

Санька же пожалел себя, что он не сокол, и не может прервать голубиный полёт.

– Чому я не сокол? Чому не летаю? – подумал он словами известной песни.

Ведь если почтари долетят, то вскоре на Русь выпустят орды волколаков. Санька прочитал мысли и образы епископа, знал, что написано в записках и каковы будут последствия, в случае попадания записок адресатам.

В животных и птиц Санька переселяться не пробовал, ибо в его голове существовало предубеждение, что у животных нет души, и оно вызвало некий блок.

Однако сейчас выбора не было и Александр, зафиксировав взглядом епископа голубя, спозиционировал его ауру в ноосфере и отметил ещё две таких же точки. И мысленно похвалил себя за расторопность, так как голубей в этот солнечный майский день на capitoлийском холме было много.

Не с первого, не со второго и не с третьего раза проникнуть в «душу» голубя у Саньки не получилось. Не получилось и с десятого, и с двадцатого. Не имелось у голубя души. И тонкий мир птицы был таким крошечным, что проникнуть в него у Саньки не получалось. Голуби разлетелись по трём разным направлениям и Санькино внимание разделилось.

Бестелесно следуя за птицами, он пытался осторожно материализоваться до такой степени, чтобы суметь коснуться её рукой, но постоянно срывался в падение. Он смеялся над собой почти в голос, представляя свои небесные выкрутасы со стороны.

– Вот так и возникают нездоровые сенсации, – подумал Александр. – Кто-нибудь ведь может увидеть, как я возникаю над Римом, падаю вниз и, не долетая до земли, исчезаю.

Он не прекращал своих попыток долго, и наконец, с той птицей, которая летела в Краков, у него получилось.

Глава 8.

С почтовыми голубями Санька разобрался, дав им установку лететь на северо-восток, минуя Стамбул. И всего лишь надо было вспомнить слова Азы о том, что в сети каждому есть место и одновременно весь мир находится в ней и в каждом человеке, а, значит, каждый человек находится в ней.

Вот он и нашёл «внутри себя» птиц. Это было несколько сложнее, чем, то, как он это делал раньше, зато теперь ему не надо было концентрироваться на верхней чакре и «переворачиваться», чтобы выйти в тонкий мир.

– Всё своё ношу с собой, – сказал, хмыкнув, Санька.

Однако, ему было совсем не до смеха. Он понимал, что лишь отсрочил войну с тёмными оборотнями, и совсем не понимал, как с ними бороться?

– Марта, – позвал он, и кикиморка вошла в его комнату. Она бы могла просто проявиться рядом с ним, но он попросил её этого не делать. По возможности.

– Беда у нас, ты в курсе? – спросил он.

– В курсе, князь. И ты прав, это настоящая беда для всех нас, и для людей, и для нелюдей. Волколаки, заклеимённые тёмным пламенем, это что-то с чем-то. Видеть нам таких не приходилось, но понимаю, что они порвут любого, у кого будет иметься хоть капля света. Как тьма, борется со светом, так и они...

– Это понятно, – перебил Санька. – Делать-то что?

– Ну, во-первых, собрать всех светлых оборотней и сообщить им о беде. Теперь все, кому ты отдал свой свет, – враги волколаков. Надо отправить их навстречу врагу. Мы знаем, место где они появятся?

– Пока нет, но я постараюсь узнать.

Санька понял, что ему придётся отпустить голубя, который летел в Краков, чтобы увидеть того, кто отдаст команду волколакам.

– Позови Крока. Поговорю с ним.

Марта молча вышла. Санька откинулся на круглый подлокотник дивана. И подлокотник, и подушка со спинкой дивана были набиты конским волосом, подпружинены и комфортно держали тело. Как не странно, мягкую мебель здесь не делал до его никто. Да и теперь, кроме Мокшиных коломенских мастеров, никто не осилил. Без плоских змейчатых пружин нужна мягкость не получалась.

Он уже проведаль с утра жену и новорождённого и поэтому был спокоен. Всё у них было хорошо. Александр и так знал про их здоровье больше, чем они сами, но не проведать роженницу с ребёнком, значит испортить ей настроение и обидеть, а что такое обиженная жена Санька знал не понаслышке, а по собственному богатейшему семейному опыту. Дополнительным бонусом для увеличения его рейтинга были принесённые и подаренные им жене полевые цветы, собранные тут же под стенами дворца. Цветы из себя ничего не представляли, но Аза приняла их с восторгом и благодарностью.

Ещё раз осмотрев ребёнка, как снаружи, так и изнутри, Санька вспомнил сказку Пушкина: «Родила царица в ночь ни-то сына, ни-то дочь...». Он опасался, что сын родился особенным и будет таким же разумным, как и он сам при рождении, но младенец кряхтел, исправно сосал грудь и пялился в мир белёсыми глазами. Малыш ничем, кроме своего богатырского размера, от обычного младенца не отличался. Поданные отцом указательные пальцы сын проигнорировал, а Санька вспомнил, как он, будучи новорожденным, принял палец Мокши за огромную копчёную сосиску.

Воспоминания прервались приходом старосты эстонских оборотней Крока. Александр показал оборотню на большой дерюжный мешок, плотно набитый тем же волосом, что и диван.

Оборотни, почему-то, сидеть в креслах не любили. Они, либо присаживались на корточки, либо предпочитали табурет или чурбан. Ни того, ни другого в царских покоях не имелось. А мешок, принимающий форму тела, Александру нравился тоже.

– Есть информация, – начал Санька, когда Крок уселся в «гнездо» и принял выжидательное выражение лица, – что подобные вам, оборотням, сущности, заклеянные символом тёмного пламени, вскоре нападут на территории, на которых остались твои родичи. Будут ли они убивать только нелюдей, или и людей тоже, я не знаю. Но, похоже, что их отправят убивать всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.